

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ВОКРУГ

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-55-99>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч.И. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие

© 2022, А.Б. Шишкин
Университет Салерно, Италия

Аннотация: Весной 1924 г. Вяч.И. Иванов был приглашен в Москву для участия в июньских торжествах в связи с 125-летним юбилеем А. Пушкина. Последующие месяцы в столице отличались необыкновенно интенсивным общением с самыми разнообразными кругами. Его записная книжка лета 1924 г. наполнена именами композиторов (Р.М. Глиер, М.Ф. Гнесин, А.Т. Гречанинов, А.Б. Гольденвейзер, Н.Я. Мясковский, Н.К. Метнер, Л.Л. Сабанеев), поэтов и писателей (В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис, А.П. Глоба, В.В. Казин, В.Г. Лидин, И.Г. Лежнёв, В.О. Нилендер, И.А. Новиков, С.А. Поляков, И.С. Рукавишников, С.В. Шервинский, А.И. Цветаева), режиссеров (В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров), литературоведов (М.О. Гершензон, Л.П. Гроссман, В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум), художников (А.А. Арапов, Н.П. Ульянов, Н.Н. Вышеславцев, К.Ф. Юон), а также священнослужителей (С.А. Сидоров, П.А. Флоренский), искусствоведов и музейных работников (В.П. Зубов, Н.Е. Машковцев, Б.Н. Терновец, А.М. Эфрос) и др. Многие из этих творческих личностей так или иначе были связаны с деятельностью Государственной Академии Художественных наук (ГАХН). Именно в рамках ГАХНа Иванов читал ряд докладов и лекций, вызвавших значительный отклик аудитории. Получив 4 июля 1924 г. заграничный паспорт для поездки в Италию, Иванов решил отложить отъезд на месяц.

Как можно думать, задержка в Москве была вызвана составлением проекта создания в Риме Государственного Института Истории, Археологии и Искусствования СССР. Этот проект был поддержан президентом ГАХНа П.С. Коганом и народным комиссаром по просвещению А.В. Луначарским. Предполагалось, что Институт станет как исследовательским, так и образовательным учреждением, следуя моделям уже существующих в Риме Академий — Французской Академии в Риме, Французской Школы археологии, Германского археологического института и проч. Как было сформулировано

в первом проекте устава, поданного Ивановым Луначарскому 24 августа 1924 г., «отсутствие России на той арене, где происходит совместная и соревнующая научная работа культурных народов и их высшее научное общение, является каким-то добровольным исключением себя из современной цивилизации и косвенным подтверждением ложных слухов об упадке нашей культуры».

Ключевые слова: Вяч.И. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган, О.Д. Каменева (Бронштейн), М.О. Гершензон, Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto), ГАХН, НКВД, Римские Академии, институты русской культуры в Европе.

Информация об авторе: Андрей Борисович Шишкин — профессор славистики, Университет Салерно, Италия, Via Giovanni Paolo II, 132 — 84084 Fisciano (SA), Italy. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791> E-mail: chichkine@gmail.com

Для цитирования: Шишкин А. Б. Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 55–99. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-55-99>

Памяти Роберта Бёрда

Русский читатель обязан Роберту Бёрду образцовым комментированным изданием едва ли не самого значительного послереволюционного текста Вяч. Иванова, написанного в споре с М.О. Гершензоном, — «Переписки из двух углов» (М., 2006). Мастерски воссоздав историко-биографический контекст этой книги, Роберт Бёрд рассмотрел «Переписку» как классический текст в истории европейской мысли XX в. Несколькими годами ранее англоязычный читатель получил в свое распоряжение издание «Viacheslav Ivanov. Selected Essays. 2001» — первое издание «Избранной прозы» поэта на английском языке, предпринятое Р. Бёрдом совместно с М. Вахтелем. Издание получило премию от American Association of Teachers of Slavic and Eastern European Languages и переиздано в 2021 г.

К исследователям «серебряного века» обращена монография Бёрда на английском языке о Вяч. Иванове, новаторская по концепции (за ней последовали три другие — о Тарковском, Достоевском и советском кино 1920–1930 гг.). Наша работа опирается на находки и материалы исследования Бёрда «Вяч. Иванов и советская власть» (1999) и вносит новые данные в этот сюжет.

Одной из официальных целей, обозначенных Вяч. Ивановым как при первой, — неудавшейся, попытке уехать в Италию в 1920 г., так и при второй, в 1924 г., было создание в Риме некоего культурного

института. Можно задаться вопросом: что стояло за этим проектом? Был ли он лишь фикцией, химерой, предлогом для получения разрешения на выезд из советской России, или же, напротив, этот проект мог быть продолжением того значительного культурного строительства, которое поэт усиленно осуществлял, находясь на советской службе сначала в Москве в Наркомпросе, а затем в Баку в Азербайджанском университете? Для ответа на этот вопрос необходимо располагать более широкой источниковедческой базой, чем имеющаяся у нас; доступные нам свидетельства и документы на этот вопрос однозначного ответа не дают. Тем не менее определенное суждение может сложиться, если объединить и выстроить по хронологии и систематизировать тематически данные, касающиеся этого сюжета.

1. В опубликованном Р. Бёрдом письме поэта к Н.К. Крупской от 18 июля 1920 г.¹ осталась непрокомментированной одна загадочная фраза: «Я получил от Наркомпроса заграничную командировку с ученою целью и для исполнения поручений Наркомпроса (отчасти с предполагаемым основанием в Италии, по предложению бывшего министра Торри², института русской литературы и искусства)».

Об инициативе создания подобного института, исходившей от министра просвещения и депутата итальянского парламента Андреа Торре, в настоящее время мало что известно как русским, так и итальянским историкам. Между тем, идея создать институт русской культуры в одной из европейских стран — Франции, а также и Италии — содержалась уже в проекте «Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии “Взаимопонимание”» 1918 г., — проекте, к которому Иванов был непосредственно причастен [55].

Приблизительно в то же время в Москве по инициативе Одоардо Кампа была создана ассоциация “Studio Italiano”; Иванов был одним из ее членов-сооснователей и деятельных участников. В частности, 4 мая 1920 г. он читал в стенах “Studio Italiano” доклад «Душа Ита-

¹ См.: [5, с. 310]. В 1920–1930 гг. Крупская занимала пост завед. Главного политико-просветительного комитета Наркомпроса РСФСР. В работе А. Меймре, Н.А. Богомолова [28, с. 198–199] публикуется запрос НКВД от 5 марта 1920 г. о транзитной визе через Эстонию для Иванова. Далее авторы статьи замечают: «Как кажется, этого ни в коем случае не могло произойти без согласования с ВЧК, Особый отдел которой возглавлял В.Р. Менжинский, и путь за границу для Иванова был открыт». Это предположение представляется ошибочным: паспорт выдавал не НКВД, а непосредственно Комиссариат внутренних дел по одобрении Иностранным отделом ВЧК–ГПУ.

² Andrea Torre (1866–1940) был министром образования в Италии в мае–июне 1920 г., впоследствии стал сенатором.

лии» [1]. В январе 1920 г. Кампа при содействии А.В. Луначарского основал во Флоренции ассоциацию под названием “Amici della Russia. Società italiana per lo studio delle civiltà slave”, по словам современного исследователя, она была образом и подобием московского “Studio”³. В ее члены были привлечены Дж. Преццолини, Дж. Папини и др. Примечательны строки из письма Луначарского к своему заместителю в Наркомпросе, историку М.Н. Покровскому от 3 мая 1920 г.:

Я сделал формальный запрос Шейнману, о том, может ли он дать нам денег на организацию института для изучения России в Италии. Институт этот предложен писателем Одоардо Кампа от имени группы итальянской интеллигенции и с полным благословением министра народного просвещения Торри. Т. Чичерин очень ему сочувствует, также Балабанова и Радек. Не знаю, как ответит Шейнман. Ответ его т. Гинзбург немедленно передаст Вам. Вяч. Иванова направлю тоже к Вам⁴.

Все о том же флорентийском “Studio” напоминал Иванов А.В. Луначарскому в письме от 2 октября того же 1920 г.: «Если <...> наши отношения с Италией складываются благоприятно для поездки туда нашей миссии, не забудьте о моей горячей просьбе присоединить меня к миссии. Знакомые итальянцы твердо надеялись, что “Studio delle civiltà slave” будет существовать с осени! Пришлите мне несколько строк, чтобы я знал, а *quoi m'en tenir*» [5, с. 315].

За этой фразой из письма стоит очень многое. Прежде всего, примечательно само название проектируемого института: “Studio delle civiltà slave”, зеркально соответствующее названию “Studio Italiano”. Кампа покинул Москву летом 1920 г., но с мая 1920 г. в советской столице оказался инициативнейший журналист и политический деятель Андреа Каффи (в 1919 г. вместе с У. Дзанотти-Бьянко он опубликовал исследование о будущем послевоенной Европы), который пытался вдохнуть новые силы в московскую “Studio”⁵. Как Кампа,

³ О Одоардо Кампа см. статью Д. Рицци: [44, с. 308].

⁴ Текст письма приводится полностью в работе Р. Бёрда «Сотворение изгнания: Вячеслав Иванов между Москвой и Римом» (машинопись) [6]; частично: [7, с. 59]. Упоминаются глава НКВД Г.В. Чичерин (1872–1936), секретарь Исполкома Коминтерна А.И. Балабанова (1878–1965), секретарь Коминтерна К.Б. Радек (1885–1939, погиб в лагере), зам. наркома промышленности и торговли А.Л. Шейнман (1886–1944); установить личность Гинзбурга не удалось.

⁵ См. о нем статью М. Брешани: [44, с. 320–322], а также [51; 30; 39].

так и Каффи лучше всего подходили на роль «знакомых итальянцев» Иванова.

Флорентийская “Studio” оказалась мертворожденным проектом, но идея создания в Италии института для исследований славянского мира не была отброшена⁶. В конце 1920 г. Дж. Преццолини, заручившись, как можно думать, согласием других членов-сооснователей, предложил блестящему молодому русисту и слависту Этторе Ло Гатто место ученого секретаря в создаваемом “Istituto di studi slavi” — именно это название мы находим в письме Э. Ло Гатто к Дж. Маверу от 30 декабря 1920 г. [64, с. 297]. В последующие несколько недель название института было уточнено и расширено: он стал именоваться “L’istituto per l’Europa orientale” (или сокращенно Ipeo) — Институт Восточной Европы. В организационный комитет в конце января 1921 г. вошли Дж. Джентиле, Никола Феста, Дж. Преццолини, У. Дзанотти-Бьянко⁷, Ф. Руффини; от Министерства иностранных дел был делегирован юрист А. Джаннини.

2. В 1920, как и в следующем, 1921 г., поездка Иванова за рубеж не могла состояться. Однако надежда не оставляла поэта; в письме из Баку от 20 февраля 1921 г. к Александре Чеботаревской он замечал: «...чего бы я желал, это возобновления дела о моей заграничной командировке» [40, с. 274].

Командировка во многом зависела от А.В. Луначарского — либерального министра из совсем не либерального правительства, каким он в те годы виделся В. Ходасевичу; впрочем, мягче, но ироничнее

⁶ В письме, посланном к Иванову в Рим уже 1 ноября 1924 г. О. Кампа наивно спрашивал: «Не забыли ли Вы наши проекты создать *Studio Russo*? Времена меняются к лучшему, кто знает, еще немного, и мы сможем действительно осуществить столь великое дело!» («Avete dimenticato i nostri progetti per uno *Studio Russo*? I tempi volgono migliori e chissà che migliorando sempre più non si possa ripensare seriamente a dar vita a cotanta impresa!...») // Римский архив Вяч. Иванова (РАИ). Оп. 5. К. 17. Л. 1; на бумаге с грифом: L’istituto di cultura italiana. Lo studio italiano di Mosca. URL: <https://u.to/6pW7Gw> (дата обращения: 10.10.2021).

⁷ С этими деятелями — крупнейшим итальянским философом, с 1922 г. сенатором Дж. Джентили (1875–1944, см. о нем: <https://u.to/K5j7Gw>), ректором римского университета, классическими филологом Н. Феста (1866–1940, см. о нем: <https://u.to/V5j7Gw>), писателем и издателем Дж. Преццолини (1882–1982, см. о нем: <https://u.to/vpn7Gw>), а также политическим деятелем и археологом У. Дзанотти-Бьянко (1889–1963, см. о нем статью Б. Сульпассо: [44]) — Иванов непосредственным образом общался и переписывался в последующие гг. [62, с. 57–58, 141 и др.]. Что касается Э. Ло Гатто, то отношения с ним оказались самыми значительными в последующие итальянские десятилетия Вяч. Иванова. На русском языке материалы об основателях Института Восточной Европы, а также деятельности О. Кампа собраны в книге Г. Маццителли (см.: [27]).

выразился о просвещенном комиссаре Б. Зайцев: «интеллигент и человек вовсе не кровавый»⁸.

В 1920 г. Иванов неоднократно успешно выступал против Луначарского на своих публичных лекциях-диспутах в Москве, собиравших до трех тысяч слушателей. Темы были самые разнообразные — атеизм и религия [26], защита иврита и еврейского театра «Габима» от нападков Луначарского и его марксистского окружения [52, с. 107] и мн. др. Иной раз полемические речи Иванова могли досадить народному комиссару: примечательно свидетельство одного из ближайших друзей поэта о том, как, возвращаясь в автомобиле с какого-то совместного публичного выступления, «Луначарский как бы вскользь сказал, что некоторые ораторы вливают тонкий яд... намекая на В.И.» [53, с. 584]. Но отношения оставались взаимно уважительными; Луначарский назначал Иванову официальные свидания в Кремле⁹; а твердые и сильные слова А.В. Луначарского в письме к Ленину от 28 июля 1920 г. о порядочности и принципиальной лояльности Иванова многого стоили¹⁰.

11 апреля того же 1921 г. в письме к наркому поэт писал о неких «роковых случайностях» — они повлияли на то, что командировка 1920 г. «была сведена на нет». Стало быть, он не знал о запрете на

⁸ *Ходасевич В.* Белый коридор. Из кремлевских воспоминаний [56, с. 244]; *Зайцев Б.* Давнее. Луначарский. Каменев [18, с. 320]. Ср. двусмысленную некрологическую характеристику наркома в дневнике С. Городецкого от 28 декабря 1933 г.: «Умер Луначарский. Полуразночинец западной формации, полуинтеллигент. Широко талантлив, горько-умен — подлинной культуры не хватало, чтобы стать вождем интеллигенции эпохи великого перелома. Блестящий организатор-импровизатор». *Городецкий С.* Из дневников. Публ. В. Енишерлова // Наше наследие. 2001. № 56. С. 166. Аналитический портрет Луначарского как советского политика и интеллектуала см. в замечательной публикации: *Фрезинский Б.* Сюжет из истории большевистской этики (Обмен письмами: Луначарский — Троцкий, 1926) // In *Memoriam: исторический сб. памяти А.И. Добкина.* СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 100–116 (на с. 115–116 — примечательный некролог Луначарскому, принадлежащий Л.Д. Троцкому).

⁹ Письмо В.И. Иванова к М.О. Гершензону от 5 марта 1920 // «Странное существо человек, загадочнее кошки»: переписка М.О. Гершензона с В.И. Ивановым (1909–1925). Публ. Е. Глухой [50, с. 70] (в публикации это письмо ошибочно датировано 1919 г. — см. оригинал: URL: <https://u.to/5u8dHA> и далее); [18, с. 321].

¹⁰ Ср.: Вяч. Иванов «много раз своей честью заверял, что ни в каком случае не уронит ни своего достоинства, ни достоинства выпустившей его Советской Республики <курсив мой. — А.Ш.> Еще с Бальмонтом я мог допустить, что он что-нибудь сбрыхнул, что же касается В. Иванова, то это человек гораздо более сдержанный и последовательный. Между тем меня действительно серьезно беспокоит состояние и Арцыбашева и Иванова. Очень просил бы Вас распорядиться хотя бы через т. Фотиеву т. Менжинскому, чтобы относительно этих двух лиц запрет был снят, тогда я возбуду о них новое ходатайство в общем порядке. Заметьте, что за Арцыбашева я отнюдь не ручаюсь». Переписка Ленина и Луначарского (1905–1922) // Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. С. 208.

выезд, который содержался в официальном ответе ВЧК от 24 июля 1920 г. на письмо Н.К. Крупской, подписанном начальником Иностранного отдела ВЧК В. Менжинским¹¹.

Новая возможность представилась только в 1924 г. Некоторые подробности восстанавливаются благодаря записной книжке Иванова 1924 г., начатой им непосредственно в момент отъезда из Баку¹². На обороте одного из первых ее листов каллиграфической записью карандашом отмечен не только день, но и час начала и конца путешествия в столицу.

На последнем же листе этой записной книжки (Л. 66) Иванов чернилами (именно чернилами поэт выделял для себя самые важные записи) аккуратным бисерным почерком переписал официальное письмо в Правление бакинского университета от имени Общества Любителей Российской Словесности (см.: Приложение 1). Именно благодаря этому официальному письму в судьбе Иванова и его семьи наметился поворот. Письмо это было датировано 23 апреля 1924 г.

Хронология последующих событий такова. 19 мая ректор Азербайджанского университета А.Д. Гуляев¹³ подписал «удостоверение», официально подтверждающее, что Иванов является профессором университета и отправлен в командировку до 15 сентября 1924 г. (РАИ. Оп. 6. Карт. 1. Папка 17. Л. 2. URL: <https://u.to/Y74cHA>). Следующий документ, датированный 26 мая, как будто отменял предыдущий. На самом деле, из него следует, что ректор Гуляев, с которым Иванов еще с весны 1922 г. дружил, решился на чрезвычайные действия: он обратился в коллегия Наркомпроса Азербайджанской ССР с ходатайством о предоставлении поэту годичной командировки за границу с сохранением содержания. Это предложение было поддержано коллегией 22 мая (РАИ. Оп. 6 Карт. 1. Папка 17. Л. 1. URL: <https://u.to/r74cHA>).

Однако, можно предположить, ни Гуляев, ни Иванов, ни его дочь и сын¹⁴ не были уверены в успехе этого предприятия. Поэтому 27 мая, в день отъезда Иванова из Баку в Москву, Гуляев снабдил

¹¹ [5, с. 316]. Ответ В. Менжинского Крупской см.: [5, с. 311–312].

¹² *Иванов В.И.* Записная книжка лета 1924 г. РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31.

¹³ Профессор истории философии А.Д. Гуляев (1870–1935) был ректором университета с 1923 по 1926 гг.; в Баку Гуляев и Иванов дружили семьями (см. запись в дневнике М. Альтмана от 18 марта 1922 г.: [2, с. 253]).

¹⁴ Ср. в письме Л.В. Ивановой к Е.Д. Векиловой-Эрн от 24 октября 1924 г.: «...отъезд как-то сделался для меня все же внезапным, отчасти потому что я ему до последней минуты не верила. Ведь уже с 20 года мы все собирались, поэтому когда Вячеслав поехал в Москву на пушкинские торжества, я-то собиралась уехать на дачу к знакомым в Киев. И вдруг, как снег на голову телеграмма и пришлось все спешно ликвидировать в Баку, брать Диму в охапку и ехать в Москву» [23, с. 183].

Иванова еще одним документом, удостоверяющим, что поэт командирован «с научной целью» в Москву, Ленинград и «во все другие города СССР» до 1 января 1925 г. (РАИ. Оп. 6. Карт. 1. Папка 16. Л. 1 URL: <https://u.to/OJW6Gw>).

Итак, оставив дочь Лидию и сына Дмитрия в Баку, Иванов приехал в Москву 30 мая, что засвидетельствовал в своей записной книжке:

Москва

Из Баку 27. V. 3 ч<аса> д<ня>

В Москве 30. V. 6 ч<асов> в<ечера>¹⁵

На первых порах он остановился в Москве на Пречистенке, 16, в Доме ученых, находившемся в те годы в ведении Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). О новом облике поэта по возвращении в родной город оставил яркое свидетельство М.О. Гершензон в письме к Л.И. Шестову от 4 июня 1924 г.:

Событие у нас — приезд Вяч. Иванова. <...> Хорош, как давно не был: молод, свеж, бодр и светло настроен — очарователен; и весь блеск прежнего великолепия знаний, памяти, чудесного произнесения иностранных фраз и цитат, и тонкость и сложность афоризмов; так как принимают его всюду царственно, то окрылен и весело возбужден, и каждого окутывает волной ласки и доброты. <...> Видимся каждый день, я наслаждаюсь им и опять влюбился в него; обыкновенно приходит вечером часов в 9, после дневной беготни и приглашенного обеда, усталый и светлый, и сидит до часу, рассказывая о дневных своих хлопотах и встречах и о жизни в Баку [13, с. 300–301].

Гершензону вторила поэтесса Мария Кудашева, в те годы, как и автор «Грибоедовской Москвы», причастная к Академии Художественных Наук (ГАХН). В ее письме к Волошину от 11 июня 1924 г. есть такие строки:

¹⁵ *Иванов В.И.* Записная книжка лета 1924 г. Л. 3 об. // РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31. URL: <https://u.to/-78cHA> и далее.

О Вячеславе расскажу. Он милей, обаятельней, чем прежде, и мы с ним дружнее, чем прежде. Вижу его часто; и так странно он приехал; неожиданно, как с неба!¹⁶

6 июня 1924 г. в Большом театре состоялся пушкинский вечер. Среди выступающих были А.В. Луначарский, П.Н. Сакулин и Вяч. Иванов. Позднее свидетельство Ольги Шор о вечере могло быть основано как на ее собственных воспоминаниях, так и на позднейших рассказах поэта:

В переполненном зале Большого Театра, где собрались и представители правительства, и старые интеллигенты (и проживавшие в Москве, и для юбилея приехавшие), и множество всяких «работников умственного и физического труда», — выступили с ответственными речами (как гласили всюду развешанные плакаты) «Нарком А.В. Луначарский и проф. В.И. Иванов». Так опять после многих лет они встретились на эстраде; и опять, как тогда, речи их противоборствовали друг другу; и опять, как тогда, блестящая атеистическая проповедь и горячий призыв к религиозному обновлению России были встречены одинаковым сочувствием слушателей, одинаковым взрывом бурных аплодисментов¹⁷.

¹⁶ Письмо М. Кудашевой к М.А. Волошину // РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 48–48 об. Пользуюсь приятной возможностью поблагодарить Г. Обатнина за указание на этот материал. Кудашева в 1920-е гг. работала секретарем П.С. Когана по литературным делам. Примечательно, что в опубликованной четырьмя годами позже в Париже поэтической книге Кудашевой находим цикл из 10 французских стихотворений, посвященных Вяч. Иванову и датированных 1924 г. [63, с. 125–139]. Для общего представления об этой примечательной книге и ее авторе отметим, что в ней — два стихотворения посвящены Л.Д. Троцкому и Б.Л. Пастернаку, два — М. Волошину и Р. Роллану, а Вяч. Иванову — еще другие 9 стихотворений разных лет. О М. Кудашевой-Роллан см. прежде всего: [31; 32; 33].

¹⁷ *Дешарт [Шор] О.А.* Введение [19, с. 172–173]. Ср. также: Иванов говорил «о “Цыганах” и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик. В. И<ванов> имел большой успех; ему много аплодировали, не меньше, чем Луначарскому, который на том же заседании, непосредственно до В. И<ванова>, прочел речь, утверждавшую как раз обратное» // Письмо О.А. Шор к Ф.А. Степуну от 30 июня 1963 г. [21, с. 120, примеч. 2]. Совсем иначе запомнился вечер В.А. Мануйлову, см.: [21, с. 356]. На следующий день в газете «Правда» появился убийственный разнос «пушкинистов» Л.С. Сосновского (*Сосновский Л.* О Пушкине. За что любил Пушкина Ленин? // Правда. 1924. 7 июня. С. 1). Целью Сосновского, как можно думать, прежде всего была дискредитация Луначарского. Однако, как замечает современный исследователь, эта статья послужила сигналом к политической травле пушкинистов и пушкиноведения [12, с. 122].

Илл. I. Н.Н. Вышеславцев. Портрет Вяч. Иванова. 1924. (ГРМ)

После заседания была исполнена опера «Евгений Онегин» с Л.А. Собиновым в роли Ленского. 9 июня П.Н. Сакулин писал Собинову: «...сидел вместе с ВИ, и умиленно слушали любимого певца» [49, с. 132].

Видимо, в один из следующих дней Вяч. Иванов был приглашен на официальный прием в Наркомпрос к А.В. Луначарскому. Стиль приема запомнился В.А. Мануйлову:

Вскоре после приезда в Москву состоялось свидание В.И. Иванова с А.В. Луначарским. Вячеслав Иванович пригласил меня сопровождать его, и мы отправились утром из Дома Ученых на Чистые

Пруды, д. № 6, где помещался тогда Наркомпрос. В.И. Иванова пригласили в кабинет Луначарского. Тут, во время их разговора, я увидел, насколько Анатолий Васильевич уважал и, больше того, любил Вячеслава Ивановича. Луначарский был человеком необычайной широты интересов. В свое время он часто бывал по средам «на башне» у Вячеслава Иванова, спорил там с Н. Бердяевым, с Д. Мережковским, с В.В. Розановым¹⁸. И вот теперь, в 1924 году, возобновился разговор людей, хорошо знавших друг друга. Это не была беседа руководителя комиссариата просвещения с одним из деятелей культуры, это была непринужденная встреча добрых знакомых, конечно, не единомышленников, но людей, хорошо понимавших друг друга [21, с. 355].

Илл. 2. Ю. Анненков. Портрет А.В. Луначарского

К сожалению, В.А. Мануйлов никак не обмолвился о самом предмете разговоров у Луначарского. Следует думать, что деловым содержанием встречи должно было быть обсуждение цели и условий

¹⁸ При том, что в хрониках башенных сред имя Луначарского упоминается лишь единожды [8, с. 165], свидетельство В.А. Мануйлова подтверждает близкий друг поэта Е.В. Аничков: «Тут выступали гости — не поэты: профессора Ростовцев, режиссер Зелинский <...> чаще других бывал Луначарский», см.: [3, с. 516].

отъезда Иванова за рубеж. Тогда же, скорее всего, Иванов дал обещание не сотрудничать с русской эмигрантской прессой, — обещание, о котором он не раз вспоминал позднее¹⁹. Примечательно, однако, что поэт намеревался воспользоваться своими короткими отношениями с наркомом, чтобы поднять вопрос о разрешении на отъезд за границу М.М. Морозовой. Об этом находим несколько строк в записной книжке лета 1924 г.:

Переговорить с А.В. Л<уначарским> о Марии Михайловне Морозов<ой>²⁰. Отказано в визе в июле <...> Собиралась в Италию с Кончаловскими. Имеет Кончаловских <?> и сестру в Италии (Л. 31).

Были ли на встрече начат или продолжен разговор о создании в Италии культурного института? Для ответа на этот вопрос продолжим московскую хронику Иванова последующих недель лета 1924 г. Пока же отметим, что несомненным следствием встречи с Луначарским было решение Комиссии по заграничным командировкам Наркомпроса от 17 июня 1924 г.: комиссия постановила командировать Иванова в Италию и Германию «сроком на один год для научных занятий в области литературы». Подписал документы не сам Луначарский, а его заместитель И.И. Ходоровский²¹. Особенностью политического

¹⁹ Письмо В.И. Иванова к О.А. Шор от 30 апреля 1926 г.: [37, с. 214].

²⁰ Пианистка М.М. Морозова (1904–1964) смогла эмигрировать в 1927 г.

²¹ РАИ. Оп. 6. Карг. 1. Папка 15. Л. 1. URL: <https://u.to/7dUoHA>). О Иосифе Исаевиче Ходоровском (1885–1938, расстрелян) см.: *Д'Амелия А., Рицци Д.* Русское присутствие в Италии: дополнительные материалы // Русско-итальянский архив. XII. Salegno, 2020. С. 289. В связи с обстоятельствами отъезда Иванова из Москвы известны несколько эпистолярных свидетельств М.О. Гершензона: «Вяч<еславу> Ив<анов>ичу О.Д. Каменева в одно утро устроила командировку за границу, с хорошим содержанием, с паспортами и визами на казенный счет, и т. д. Он едет с семьей, т. е. с Лидией и Димой, сперва в Венецию, на неопределенный срок» (письмо к Л.И. Шестову от 16 июня 1924 г.: [13, с. 302]; приблизительно то же повторено в письме к П.С. Когану от 12 июня 1924 г.: [42, с. 406–407]); «Он <Иванов> приехал из Баку в конце мая, и очень скоро ему устроили командировку за границу с немалой суммой денег. Но в Москве его так чествовали и заласкали, что он увяз, как муха в меду, и вот все не едет. Уедет, надо полагать, в конце месяца, едет, все ликвидировав, с семьей своей, сначала в Рим, а там видно будет» (письмо к В.Ф. Ходасевичу от 17 августа 1924 г.: [41, с. 230]). Достоверность ряда свидетельств Гершензона была оспорена О.А. Шор: «Огорчилась, прочитав эти строки в “Нов<ом> журнале”. До сих пор не понимаю, зачем Гершензону понадобилось исказить факты, ему хорошо ведомые. В.И. получил командировку чисто формальную, как право выехать, и, конечно, без копеек денег. Этого-то Г<ершензон> никак не мог не знать, т.к. сам он в качестве заботливого друга организовывал для В.И. выступления, которые могли бы ему принести хоть маленький заработок, необходимый ему для отъезда» (письмо О.А. Шор к Ф.А. Степуну от 24 апреля 1963 г.: [43, с. 161]). Нам представляется,

момента оказалось то, что на этот раз заграничный паспорт был получен в кратчайший срок — и это при том, что к 1924 г. порядок их выдачи заметно осложнился [5, с. 318]! Паспорт оказался готов уже 4 июля 1924 г. и был подписан самим Г.Г. Ягодой, в то время

Илл. 3, 4. Паспорт.

что при истинно дружеских отношениях между поэтом и историком литературы ряд фактологических сведений, исходящих от Гершензона, могли быть неточными, в частности, именно от него пошло сообщение, что Иванов в Баку стал замнаркома по просвещению (письмо Гершензона к Ходасевичу от 21 мая 1921 г.: [41, с. 222]). Что же касается сестры Троцкого О.Д. Каменевой, без сомнения еще влиятельной, то формально в 1924 г. ее положение в советской номенклатуре ограничивалось местом председателя Художественного совета ГАХН [48, с. 43–44, примеч. 125], т. е. во всяком случае было подчиненным правлению Наркомпроса. Примечательно, что О.Д. Каменева в письме к А.Б. Халатову от 20 апреля 1929 г. просила продлить и увеличить пособие ЦЕКУБу для Вяч. Иванова (Бёрд Р. Сотворение изгнания: Вячеслав Иванов между Москвой и Римом. С. 6); ходатайство это успеха не имело.

Для полноты учтем еще свидетельство А. Амфитеатрова 1927 г., что Иванов «выехал и семью вывез из СССР не в порядке бегства, а по паспорту, который ему с трудом выхлопотал Луначарский». А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов: переписка. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее, исторический альманах. 22. СПб.: Ateneum-Феникс, 1997. С. 484.

заместителем председателя ОГПУ. Судя по записной книжке 1924 г., Иванов предполагал личную встречу с ним; среди записей на листе 9, между 15 и 21 июня, мы находим следующую:

Ягóда Генрих Львович²²

Зампред ОГПУ

Петровка 38

Вернемся к московской хронике лета 1924 г. Последующие публичные выступления поэта проходили в рамках деятельности Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН). Уже 9 июня 1924 г. Иванов на пленарном заседании Литературной секции ГАХН читал лекцию «Пушкин и формальная поэтика». Согласно протоколу, присутствовали М.О. Гершензон, Л.П. Гроссман, Н.К. Гудзий, Ю.М. Соколов, М.М. Кенигсберг, Е.Ф. Книпович, Р.О. Шор, Г.А. Шенгели, А.В. Бакушинский, М.П. Никитин, П.А. Кузько, С.В. Шувалов, С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо, В.А. Филиппов, В.Е. Сахновский, Д.С. Усов, С.А. Поляков, М.А. Петровский, П.А. Марков, Н.И. Жинкин, Б.В. Горнунг, В.П. Зубов, Н.К. Пиксанов, Г.Г. Шпет²³. Гершензон в письме от 12 июня 1924 г. сообщал Л. Шестову, что Иванов «при огромном стечении публики» читал «очень хороший доклад. Овации конца не было» [13, с. 302]²⁴.

Через месяц, 8 июля 1924 г., Иванов присутствовал в Академии на докладе Б.В. Шапошникова²⁵. В тот же день поэт обратился в правление ГАХН с предложением прочитать в стенах Академии свою неопубликованную трагикомедию «Любовь — мираж?»²⁶. Такое чтение, в отличие от камерного в Доме ученых или у Гершензона²⁷

²² Так! Генрих Львович, вместо «Генрихович»: поэт заранее озаботился выяснить, как произносится фамилия чекиста, но ошибся в его отчетстве.

²³ Государственная Академия Художественных Наук. Отчет. 1921–1925. М.: [Б. и.], 1926. С. 25.

²⁴ Сюжет подробно рассмотрен в статье [34]. В дополнение к сведениям авторов добавим свидетельство, лишь недавно ставшее доступным в печати: «Самого Вячеслава Иванова видел вблизи первый раз. Раньше только издали в Политехнической аудитории. Теперь он, стоя на эстраде в большом зале Академии на черном фоне занавеса, напоминает Тютчева. Даже волосы причесаны так же. Максим выступал на докладе очень удачно. Хорошо покрыл Шенгели и даже Ярхо. Я рад, что в защиту Вяч. Иванова говорил не Борис. У него вышло куда бы хуже» [14, с. 122].

²⁵ *Иванов В.И.* Записная книжка лета 1924 г. // РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31. Л. 20 об. Знакомство поэта с историком искусства восходит к 1912 г. (см. статью А. д'Амелиа «Шапошников Борис Валентинович»: [44, с. 714]).

²⁶ РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 117.

²⁷ Об этом чтении говорится в письме Гершензона к Л. Шестову от 16 июня: «Вчера он читал у меня свое последнее произведение, род трагикомедии; много

и Г.И. Чулкова, рассматривалось как общественное событие, на которое требовалось разрешение Гублита, т. е. цензуры. С прошением в цензуру Иванов обратился (см.: <https://gachn.de/ru/view/482>), но Гублит чтение воспретил. По мнению Р. Бёрда, в пьесе могли увидеть сатиру на политическую ситуацию начала 1920-х гг.²⁸

Чествованием Вяч. Иванова обернулось его выступление на заседании Академии 12 июля 1924 г.²⁹ На этот раз он докладывал на философском отделении ГАХН, членами которого были Г.Г. Шпет, Б.А. Гривцов, Б.В. Шапошников и А.Г. Габричевский³⁰. Присутствовали Н.И. Новосадский, Г.А. Рачинский, С.А. Котляревский, В.О. Нилендер, М.С. Альтман, В.И. Авдиев³¹.

Протокол содержал примечательные подробности:

Философское отделение «в лице Г.Г. Шпета приветствует Вяч. Иванова, вернувшегося в Москву после трехлетнего отсутствия, и “выражает надежду, что теперешний отъезд его в Западную Европу не будет долгим, и после него В.И. Иванов снова займет в кругах русской духовной культуры место не только сотрудника, но и вождя”.

В.И. Иванов излагает 16 основных тезисов своей книги “Дионис и прадионисийство”, заставшей “московских классических филологов врасплох” вследствие использования в ней “не только древнейших данных, но и результатов последних раскопок” (В.О. Нилендер).

Отвечая на вопросы собравшихся, В.И. Иванов признает “основной наукой гуманитарного знания” филологию (ответ С.А. Котляревскому) и указывает на необходимость преодоления и объединения “отдельных мифологических школ” (и этнографизм <a> Фрезера, и крайн<его> позитивизм <a> Соломона Рейнака») (ответ В.О. Нилендеру)» [61, с. 352].

Записи в книжке 1924 г. передают напряженный, даже лихорадочный ритм последних недель Вяч. Иванова в Советской России. Полученный им заграничный паспорт был действителен для выезда

таланта, главное — восхитительные стихи» [13, с. 302]. На каком-то из домашних чтений присутствовали и З. Райх и В. Мейерхольд. Ср. из письма последнего к поэту: «Зинаида Николаевна и я часто с восторгом вспоминаем нашу встречу в Москве, когда Вы так замечательно и с таким блеском и с таким тонким юмором читали Вашу умную, блестящую комедию на музыке!» [11, с. 262].

²⁸ [5, с. 322, примеч. 3]. Впрочем, окончательное суждение по этому поводу станет возможно после того, как будут выявлены материалы цензурного дела.

²⁹ Государственная Академия Художественных Наук. Отчет. 1921–1925. М., 1926. С. 20.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ Сообщено Ю.Н. Якименко.

из СССР до 4 августа; обстоятельства московской жизни вынудили его запросить продления паспорта еще на месяц, до 4 сентября. Какого рода могли быть эти обстоятельства?

Попытаемся поискать ответ в той же записной книжке лета 1924 г. Не доверяя собственной памяти, Иванов некоторые имена и адреса, как особенно для себя важные, записывал дважды, а то и трижды. Книжка 1924 г. пестрит многочисленными адресами и телефонами самых различных персонажей, с которыми поэт встречался или собирался встречаться; их стоит условно классифицировать. Среди них имена композиторов и музыкантов (Р.М. Глиер, М.Ф. Гнесин, А.Т. Гречанинов, А.Б. Гольденвейзер, Н.Я. Мяковский, Н.К. Метнер, Л.Л. Сабанеев, Б.О. Сибор); поэтов, писателей и переводчиков (В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис, А.П. Глоба, В.В. Казин, В.Г. Лидин, И.Г. Лежнёв, В.О. Нилендер, И.А. Новиков, С.А. Поляков, В.В. Руслов³², И.С. Рукавишников, А.Н. Чеботаревская, Г.И. Чулков, С.В. Шервинский, А.И. Цветаева); режиссеров

³² 10 июля 1924 г. Иванов посвятил ему стихотворение «Неведомый собрат, сочувственный смиренный...» [9]. Поэтический текст Иванова является ответом на своеобразный «анафорический» сонет Руслова, который здесь уместно процитировать по рукописному автографу (РАИ. Оп. 6. Карт. 12. Л. 1: чернила, два листа in folio, водяные знаки C&I Honig с контрамаркой в виде гербового щита с ульем: Нидерланды, XVIII — до середины XIX века. На Л. 1 титул: Сонет. Вячеславу Иванову от Владимира Руслова. Москва. 1918 — 1924 г.; на Л. 2 парадным почерком, старая орфография):

Сонет.

Твои слова, Поэт, как глыбы Парфенона,
Легко изваяны божественным Творцом
По линиям для нас внемирного закона —
И Время их за то щадит своим резцом.

Твои слова пьянят, как светлый хмель Платона,
С его увенчанным венками слав лицом,
Сковавшего навек в огне Симпозиона
Любовь и знание пылающим кольцом.

Твои слова, как зов той песни лебединой,
Что к нам летит с небес в сверканье белых крыл
Над пламенеющей в закатный час равнины.

Твои слова — венок, что гений нам открыл
Поэзии закон, для всех миров единый:
Что с Красотой Поэт повенчан в небе был!

(М.М. Коренев, В.В. Лужский, В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров); литературоведов (М.О. Гершензон, Л.П. Гроссман, В.М. Жирмунский, С.С. Игнатов, А.И. Малеин, Б.М. Эйхенбаум); художников (А.А. Арапов, Н.П. Ульянов, Н.Н. Вышеславцев³³, К.Ф. Юон). А также имена священнослужителей (С.А. Сидоров, М.В. Шик, П.А. Флоренский); книжных антикваров и библиографов (Ф.И. Витязев, Н.П. Киселев, П.П. Шибанов); искусствоведов и музейных работников (В.П. Зубов, Н.Е. Машковцев, Б.Н. Терновец, А.М. Эфрос); советского истеблишмента (Н.А. Семашко, О.Д. Каменева); бывших студентов московских и бакинских семинаров (М.С. Альтман, Ф.И. Коган, В.А. Мануйлов, О.А. Мочалова) и др. Отметим, что большинство этих имен отнюдь не входило в круг старых друзей или знакомцев Вяч. Иванова петербургского или московского семилетия³⁴; многие из упомянутых здесь так или иначе могли быть связаны с деятельностью ГАХН середины 1920-х гг., — это в большей или меньшей степени касается П.С. Когана, О.Д. Каменевой, В.П. Зубова, В.Я. Брюсова, свящ. П.А. Флоренского, М.О. Гершензона, А.Б. Гольденвейзера, Н.Я. Мяковского, В.Э. Мейерхольда, А.И. Таирова, О.А. Шор, Б.Н. Терновца, Б.В. Шапошникова, С.В. Шервинского, К.Ф. Юона, Л.Л. Сабанеева³⁵.

Из деятелей ГАХН, чьи имена неоднократно вписывались в книжку 1924 г., можно выделить П.С. Когана, президента ГАХН и — наряду с А.В. Луначарским — ее идейного вдохновителя. Домашний адрес Когана записан сперва неточно, со знаком вопроса, затем уточнен: «Арбат 51, кв. 89. 2 этаж во двор подъезд направо»; вслед за этим на других листах несколько раз вписан его телефон, домашний и в Академии Художественных наук (т. е. всего 4 раза:

³³ 11 июля 1924 г. Иванов надписал ему на авантитуле своей книги «Кормчие звезды», 1903, четверостишие «Художник-духовник, на книге Вам любезной...» [9, с. 111]. Н.Н. Вышеславцев, а также К.Ф. Юон в эти краткие летние недели создали портреты Иванова (оба — в ГЛМ).

³⁴ Из них Иванов в Москве в 1924 г. общался прежде всего с М. Гершензоном и Ю. Верховским.

³⁵ Добавим к этому списку также Бориса Горнунга, с которым Иванов познакомился в начале июля (дневник Горнунга, от 2 июля 1924 г.: [14, с. 118]; в письме к М. Кузмину от 3–5 сентября 1924 г. он рассказывал о своем шестичасовом разговоре с Ивановым, закончившимся резким расхождением: [25, с. 210]), а также О.А. Шор (в записной книжке 1924 г., л. 22, отмечено: «среда 16. VII. Обеду у О.А. Шор. В 4–5 ч.»; 27 августа поэт подарил ей свою книгу «По звездам», 1909, снабдив ее следующей надписью: «Моему дорогому другу, автору восхитившего меня этюда о Микель-Анджело, моей строгой и пронизательной сочувственнице, О.А. Шор, оставляю эти строки на память. Благодарный Вяч. Иванов» // РАИ) и ее кузена Е.Д. Шора, который летом 1924 г. находился по командировке ГАХН в Германии, но уже в конце 1924 г. вошел в круг знакомцев поэта (см. письмо к нему В.И. Иванова от 25 ноября 1924 г.: [46, с. 533]). С Б.И. Ярхо, по свидетельству О. Мочаловой, Иванов «4 часа говорил <...> о сонетах»: [29, с. 22].

Л. 17 об., 23 об., 25, 38). На какой-то из встреч Петр Семенович подарил поэту свою книгу «Пролог. Мысли о литературе и жизни. 1923», снабдив ее многозначительной надписью: «Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу с верой, что необъятная широта его любви вместит и эту книгу П. Коган» (РАИ). Хорошо известен отзыв о Когане М.И. Цветаевой: «П.С. Коган ни поэтов, ни стихов не понимал, но любил и читал и делал для тех и других, что мог: и тех, и других — устраивал» [57, с. 239, 241]. Но летом 1924 г. в случае Иванова, как представляется, дело шло о большем, чем просто «устройство» отъезда поэта за границу.

В середине 1924 г., когда в центр московской научной жизни переместился ГАХН [17, с. 89], могло казаться, что эта институция на подъеме. ГАХН был впервые привлечен к обустройству павильона советского искусства на Венецианской биеннале 1924 г. Для Ольги Каменевой, главы Художественного совета ГАХН, а со следующего, 1925 г., председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (и при этом бывшего начальника Иванова в Театральном отделе Наркомпроса³⁶), командировка Иванова в Италию в 1924 г. также могла казаться небесполезной. В представлении Каменевой, зарубежная деятельность ГАХН должна была стать идеологической экспансией СССР, по словам же Луначарского, — показать, что

³⁶ О.Д. Каменевой в 1919 г. Иванов посвятил альбомное стихотворение, отметив ее «Нрав опрометчивый и Борджий профиль властный» [20, с. 32]; ср. публикацию этого же текста с разночтением: [21, с. 80–81]. При этом показательно, что, услышав версию о назначении Каменева полпредом в Рим, Иванов писал сыну и дочери 2 декабря 1926 г.: «От старинного друга Муз и покровителя, как и от Ольги Давидовны, я не жду больше ничего доброго» [22, с. 502]. Об отношении Каменева к символизму и, прежде всего, о его, по словам Андрея Белого, «хамски издательском» предисловии к книге последнего «Начало века» см.: [24, с. 304–310].

«Россия не выбыла из числа культурных великих держав» [60, с. 27]. Показательна фраза в программной двуязычной русско-французской брошюре ГАХН (три экземпляра которой неслучайно были переправлены с Ивановым в Рим): «Деятельность ГАХН переходит за границу государственной территории и становится международной»³⁷.

3. Таким образом, летом 1924 г. могло представляться, что для будущих проектов «культурной внешней политики» Наркомпросу и ГАХН было бы желательно иметь в Италии своего эмиссара или, говоря современным языком, агента влияния в лице Иванова. Как известно, первой задачей его командировки в Италию было присутствие на венецианской выставке; в записной книжке 1924 г. неслучайно зафиксирован венецианский адрес Б.Н. Терновца, директора московского Музея нового западного искусства. Однако проект П.С. Когана и А.В. Луначарского в тот особенный момент советской истории мог быть еще более амбициозным.

Примечательно, что создание в Берлине отделения Академии Художественных Наук проектировалось еще в 1922 г.; его руководителем должен был быть В.В. Кандинский, а его сотрудниками — М.О. Гершензон и Е.Д. Шор³⁸. (Сейчас не место говорить о других российских проектах Академии в Италии начала XX века, поскольку известные данные по этому поводу явно недостаточны³⁹.) Обратим внимание на то, что уже в другую советскую эпоху, в начале 1927 г., ГАХН определял официальную цель командировки Ольги Шор в Италию следующим образом — «завязать кое-какие отношения между Академией [ГАХН] и итальянскими институтами, изучающими искусство с научной точки зрения»⁴⁰.

Итак, есть основания предполагать, что летом 1924 г. руководством ГАХН и Наркомпроса было принято решение использовать познания и репутацию Иванова в аналогичном ключе. Чтобы поставить проект на деловой и серьезный лад, Иванову было предложено еще до его отъезда из Москвы разработать обоснование и концепцию задуманной институции. Вероятно, это и послужило причиной, отчего Иванову оказалось необходимым задержать отъезд и просить о продлении выездной визы еще на месяц.

³⁷ Государственная Академия Художественных Наук. Moscow, [S. a.] С. 5. URL: <https://gachn.de/ru/view/53>.

³⁸ [48, с. 52]. Подробнее см.: [47].

³⁹ О проектах Академии художеств создать Академию в Риме в мае 1917 г. см.: *Бенуа А.Н.* Дневник. 1908–1916. М.: Захаров, 2016. С. 309–310, 315. О, скорее всего, авантюрном проекте Академии в Италии И.В. Жолтовского 1922 г. см.: [38, с. 246, 258–261]. О встрече Иванова с Жолтовским в апреле 1926 г. см.: [45, с. 213].

⁴⁰ Письмо Вяч. Иванова к О. Синьорелли от 14 февраля 1927 г.: [54, с. 272].

Проект, точнее «Докладная записка» Луначарскому, создавался Ивановым совместно с П.С. Коганом — во всяком случае, об этом свидетельствует его машинописная копия, сохранившаяся в Римском архиве поэта (см. *Приложение 2*). Как можно судить по дате на ней — 24 августа 1924 г., — работа затянулась вплоть до последних предотъездных дней Иванова. Проект состоял из характеристики целей, описания структуры института (планировались три секции: античной культуры и археологии; истории искусства и истории) и предложения о финансовом обеспечении. Будущая работа научного коллектива в целом соответствовала принятому в ГАХН научному жанру — совместному обсуждению докладов сотрудниками Академии. Учреждаемая организация именовалась как «Институт Археологии, Истории и Искусствоведения в Риме». Замечательна дипломатическая фраза, которая обосновывала необходимость создания такого института в Италии: с одной стороны, она продолжала политические заявления Луначарского, с другой — в ней отчетливо слышатся скорбные чаадаевские интонации, сетования об оторванности страны от хода цивилизационного процесса:

Отсутствие России на той арене, где происходит совместная и соревнующая научная работа культурных народов и их высшее научное общение, является каким-то добровольным исключением себя из современной цивилизации и косвенным подтверждением ложных слухов об упадке нашей культуры.

Необходимо отметить, что проект Академии в Риме отвечал как замыслам 1918 г. (в частности, создания «Союза духовного общения»), так и магистральной линии историософии и публицистики Иванова. Внимательно читая политически взвешенные формулировки проекта, нельзя не посоветовать, что и по истечении столетия русская наука и культура нисколько не продвинулась к его осуществлению.

Уже в Риме Иванов делился со своей дочерью мыслями о значении римской Академии для России. Через 50 лет Лидия Вячеславовна припоминала один из своих разговоров с отцом следующим образом:

В течение 1925 г. Вячеслав предпринимает целый ряд попыток практического устройства нашей жизни. Сначала он увлекается идеей основать в Риме, по примеру Франции, Испании, Германии, русский государственный институт наук и искусств. Он мне объясняет, что страна и правительство — вещи разные: правительство сегодня одно, завтра другое — страна остается. По своему достоинству Рос-

сия должна иметь в Риме «академию», которая бы ее представляла независимо от текущих политических событий [21, с. 155]⁴¹.

Примечательно, что в Италию Иванов вез четыре (!) экземпляра проекта⁴², заранее предвидя, как можно предположить, многосложные переговоры как с отечественными дипломатами, так и с итальянскими институциями. О ходе и стиле переговоров Иванова с полномочным представителем СССР в Италии К.К. Юренёвым⁴³ мы узнаем из трех подробнейших отчетов поэта, посланных Луначарскому. Так как они уже были опубликованы в 1997 г. [35], нет нужды их пространно пересказывать; сейчас ограничимся сообщением нескольких фактов и приведением кратких цитат. Оказавшись в Риме 14 сентября 1924 г., Иванов уже 17 сентября наведался к советнику дипломатического представительства А.М. Макару,⁴⁴ в дом бывшего императорского посольства на виа Гаэта, и условился о встрече с полпредом К.К. Юренёвым. Последний принял Иванова на следующий день, 18 сентября. Иванов представил проект создания Института, а потом еще счел нужным заявить, что находится в распоряжении советского представительства в Риме «в области научного и литературного сближения России и Италии»⁴⁵.

Каков был ответ дипломата? На первый взгляд, его ловкость не может не вызвать восхищения: заявив сперва, что «в принципе» сочувствует проекту Академии, он вслед за тем сообщил, что на самом деле полпредство само «уже» осуществляет обозначенную Институту деятельность — передадим здесь фразу К.К. Юренёва, как она приведена в записке Иванова: «Поскольку Институт ставит себе целью установление связей и взаимную информацию ученого

⁴¹ Иванова также сообщала, что место президента Академии Вяч. Иванов предполагал предложить М. Горькому; сведений об этом в других источниках не выявлено.

⁴² В «Списке документов В. Иванова для вывоза за границу» под № 9 значится «Докладная записка Наркому Просвещения тов. А.В. Луначарскому от Вяч.Ив. Иванова относительно организации “Госуд. Института Истории, Археологии и Искусствования СССР в Риме”» (4 экземпляра) // ГЛМ. Ф. 307. Оп. 1. Ед. 11. Л. 1. См. *Приложение 4*.

⁴³ Наст. фамилия К.К. Юренёва — Кротовский, род. в 1888 г., окончил Двинское реальное училище, с 1905 г. член РСДРП, потом в революционной деятельности; в 1918–1919 гг. председатель Всероссийского бюро военных комиссаров, затем на дипломатической работе, в 1938 г. расстрелян.

⁴⁴ Александр Михайлович Макар (наст. фамилия — Жвиф, 1877–1961), в 1922 г. — заместитель генерального прокурора Украинской ССР; оставив должность дипломата в Риме в 1926 г., стал позднее полпредом в Норвегии и Мексике, а в 1930-х гг. — членом Верховного суда СССР.

⁴⁵ В.И. Иванов к Луначарскому от 29 сентября 1924 г. [35, с. 551].

мира России, мне было указано, что эта работа уже налажена нашим представительством *во всех областях знания*» (курсив мой. — *А.Ш.*). Иными словами, смысл и значение проекта, за которым стоял Наркомпрос и ГАХН, отмечался с первых минут встречи.

Вторая аудиенция у Юренёва 2 октября 1924 г., скорее всего, поставила крест на проекте. На это Иванов прозрачно намекнул в самом начале своей третьей, и последней, записки Луначарскому от 6 октября. Тем не менее в этой записке Иванов считал необходимым противопоставить возражениям полпреда свои весьма подробные обоснования необходимости и возможности обустройства римского Института. Отказываясь от должности его руководителя, он предлагал на эту роль член-корр. АН СССР Б.В. Фармаковского или академика В.П. Бузескула, а сам соглашался на самое скромное место в филологической секции⁴⁶.

Реальную ситуацию поэт подробно и неформально описал в странном письме к П.С. Когану от 21 октября 1924 г. В переписке Иванова с президентом ГАХН это самый значительный эпистолярный текст, который к тому же превосходно передает стиль общения товарищей из полпредства с малопривычным им профессором, заручившимся в Москве солидным мандатом. Можно предположить, что его внешность и манеры задевали их здоровое классовое чувство. Имеет поэтому смысл привести несколько больших цитат из этого письма:

Позволительно предположить, что Вы в курсе дела и достаточно осведомлены о результате как этих моих обращений, так и направленных в Москву заявлений нашего представительства. Что касается отношения этого последнего к нашему проекту — я, несмотря на одобрение замысла в его «идее», не вынес впечатления действительного сочувствия попыткам его осуществления. Кажется, что я лично не кажусь представительству лицом желательным или достаточно компетентным для направления этого дела. Как бы то ни было, я рассчитываю на Вашу дальнейшую поддержку в этом прекрасном и полезном начинании.

Несмотря на негативное отношение полпредства к проекту Института, Иванов тем не менее заявил советским дипломатам, что, находясь в Вечном городе, готов служить делу культурного диалога и неформально. На это предложение последовало прямое воспреще-

⁴⁶ В.И. Иванов к Луначарскому от 6 октября 1924 г. [35, с. 552–556].

ние вступать в контакты с представителями итальянских культурных и правительственных учреждений, что, отметим, прямо противоречило духу и букве мандата Луначарского от 25 августа 1924 г.:

С другой стороны, я поставил себя в распоряжение представительства на тот случай, если оно пожелает воспользоваться моим пребыванием в Риме для каких-либо действий в целях культурного сближения. Мне было предложено не вступать лично и лично ни в какие отношения с итальянцами, в частности с Istituto per l'Europa orientale, так как представительство имеет в виду само устроить наше первое знакомство⁴⁷.

Последнюю часть фразы надо оставить на партийной совести товарищей из полпредства: в июне 1924 г. было возможно пригласить Муссолини на официальный обед в полпредство в разгар политического кризиса фашистского правительства⁴⁸, однако какие бы то ни было сношения с Istituto per l'Europa orientale вряд ли могли представляться допустимыми. Еще осенью минувшего 1923 г. в Ирео при большом стечении публики прошла серия конференций русских эмигрантов — Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, Б.К. Зайцева, С.Л. Франка, Е.Ф. Шмурло⁴⁹ и др.: как известно, всякого рода открытые контакты с эмигрантами крайне не поощрялись. Отметим, что организатором лекций был ученый секретарь Ирео Э. Ло Гатто. В том же 1923 г. он опубликовал материалы конференции в издаваемом им журнале *Russia*⁵⁰. В момент составления письма к П.С. Когану Вяч. Иванов, надо думать, уже не мог не быть незнакомым с Ло

⁴⁷ Чуть иначе в письме к Чеботаревской от 22 октября: «Посольство удерживает меня от сношений с видными итальянцами, желая наладить их само» [40, с. 288].

⁴⁸ В июне 1924 г. Б. Муссолини был приглашен на официальный обед в советское полпредство в момент обострения борьбы итальянских социалистов и фашистов после убийства последними депутата парламента Дж. Маттеотти; см. подробности в работе [4].

⁴⁹ Евгений Францевич Шмурло (1853–1934) с 1903 г. был ученым корреспондентом имп. Академии наук в Риме; Октябрьскую революцию не принял; с 1918 по 1920 гг. получал жалование в качестве ученого корреспондента от посла Временного правительства в Италии М.Н. Гирса; в 1921–1924 гг. организовал в Риме Русскую академическую группу (см. о нем: *Ковалев М.В.* Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и новейшая история; 2016. № 1. С. 155–172). При содействии Ирео А. Каффи перевел капитальный трехтомный труд Шмурло «История России. 862–1917», который институт опубликовал в 1928–1930 гг. (см. статью А. д'Амелия о Шмурло: [44, с. 729]). Вообще, в серии книг Ирео в 1926–1930 гг. было издано 5 исторических книг Шмурло, см.: [65, с. 302–303]. Уже в 1924 г. в состав Славянской библиотеки Ирео вошли книги коллекции Шмурло, см.: [10, с. 360, примеч. 2].

⁵⁰ *Conferenze di russi sulla Russia a Roma // Russia. 1923. № 3–4. P. 505–528.*

Гатто⁵¹; в последующие годы именно в сотрудничестве с ним осуществились очень значительные литературные проекты. В свете вышесказанного мы можем оценить скрытую язвительную иронию в следующих строках письма:

Охотно идя навстречу этому предложению, я чувствую себя однако в некоторой мере стесненным, выдерживая как-бы некое *incognito*, когда о моем приезде уже осведомлены лица, коих он может интересовать; возникает отсюда и довольно ощутительное неудобство для моих частных дел. Посмотрим, к какому результату приведет эта выжидательная тактика «в ноябре»: боюсь, что, при отсутствии, по-видимому, какого бы то ни было определенного плана — ровно ни к какому.

Деловая часть письма заканчивалась таким образом:

Итак, я сижу, тишайшим образом, в нанятых мною мебл<ированных> комнатах, посещаю для своих научных целей Германский Археолог<ический> Институт и *Biblioteca Nazionale* и, ничем не заявляя о своем скромном существовании, наслаждаюсь втихомолку солнцем, кипарисами, фонтанами и всем великолепием вечного города — и надеюсь на великие и богатые милости *Deae Fortunae*, вмешательство коей настоятельно необходимо для того, чтобы не оправдались предсказания любезного М.С. Шефтеля, который обещал мне свое полное содействие при неизбежно предстоящем мне в декабре, за истощением моих средств, отъезде в Россию...⁵²

П.С. Коган вряд ли мог полностью оценить иронический пуант, которым завершалось идилическо-эпическое письмо. «Любезный» М.С. Шефтель, гарантировавший поэту «свое полное содействие» для возвращения в СССР, был в высшей мере сомнительной личностью, а по ряду источников — сотрудником ГПУ, работавшим под прикрытием советского торгпредства⁵³.

К сожалению, ответного письма Когана Иванову не выявлено. Ответа же от Луначарского Иванову пришлось дожидаться 4 меся-

⁵¹ Последний уже в 1923 г. опубликовал свой перевод первого «Зимнего сонета» Вяч. Иванова (*Poesia russa della rivoluzione*. Roma, 1923. P. 97). Ср. также: [59, с. 760].

⁵² [5, с. 319]. На основании сверки с оригиналом (РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 3–3 об.) внесены несколько поправок.

⁵³ Марк Соломонович Шефтель (1889 – после 1935, погиб в лагере) жил в Риме в 1923–1925. См. о нем статью А. Аккаттоли в: [44, с. 723–724], а также URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/sheftel_ms.php. (дата обращения: 10.10.2021).

ца. Свое послание от 13 февраля 1925 г. нарком начал с уверения, что «идея Института в Риме отнюдь не погребена» и что у него нет сомнения, что руководителем Института должен быть не кто иной, как Иванов. Но заканчивал признанием, что крайне нелегко и непросто в советском государственном аппарате доказывать ценность культурного предприятия, что бюджет 1925 г. находится «под знаком строжайшей экономии», но что в следующем, 1926 г., возможно получение небольшого финансирования для будущего Института. Не исключено однако, что оптимизм наркома имел под собой некоторое основание, а именно: он смог поделиться проектом римского Института с Платоном Керженцевым, назначенным в апреле 1925 г. полпредом в Италию. Керженцев, сын депутата Первой государственной думы, в отличие от своих предшественников на этом посту, имел за плечами курс историко-филологического факультета Московского университета, а впоследствии стал заместителем главного редактора Большой и Малой Советских энциклопедий, возглавлял Комитет по делам искусств при СНК СССР и проч.⁵⁴ Летом 1926 г. Керженцев пригласил Иванова на встречу (инициатором встречи был, возможно, консул В.Н. Рембелинский⁵⁵). Об этой встрече поэт написал в Москву 27 июля 1925 г. Ольге Шор, с крайней осторожностью намекая на то, что разговор шел вокруг проекта Академии:

Недавно виделся я с нашим полпредом П.М. Керженцевым, который через своих знакомых выразил желание со мной увидеться. Он гораздо живее и сочувственнее, чем его предшественник, относится к некоторым научно-организационным предложениям А.В. Луначарского, П.С. Когана и моим, но я то сам к ним значительно охладел и больше волнует меня другое [37, с. 192].

На лето 1925 г. пришла полоса, когда Вяч. Иванов оказывался самым желанным гостем на приемах советского полпредства. П. Керженцев называл поэта «римским старожилом» и ценил его присутствие на дипломатических встречах. Об одном из таких приемов Вяч. Иванов рассказывает в письме детям (от 24 августа 1925 г.), именуя полпредство — хаткой, полпреда — нунцием антихриста, Мейерхольдов — Бубусами (в брошюре «Учитель Бубус», 1925 г., находим следующую характеристику этого лица: «Типичный представитель городской

⁵⁴ См. статью А. Акаттоли о П.М. Керженцеве: [44, с. 326]. О зловещей роли, которую в 1937 г. сыграл Керженцев в судьбе Мейерхольда, см.: [11, с. 259–260, ср. также с. 261, примеч. 9].

⁵⁵ См. в воспоминаниях Вл. Лидина: [21, с. 340–341].

интеллигенции <...> воплощенная беспомощность мелкобуржуазного сознания <...> его склонность к социализму не идет дальше туманной и абстрактной фразеологии» [11, с. 259]), а себя — лукавым царедворцем. Стиль письма шуточный, но за ним ирония и дистанцированность, особенно в отношении деятельности «совсоотечественников»:

В Хатке был парад, открыты салоны, давали чай, сэндвичи, торты, мороженое. Москвичи-экскурсионисты очень меня приветствовали. Керженцов (так!) говорил речь, желал развития образовательных экскурсий в Италию, приветствуемых и здешним Министерством Иностранных Дел. Потом все должны были показывать свои *accomplishments* (достижения — англ.). Пела какая-то певица и певец Лесной, приятель Н.П. Ульянова <...> Играли Протопопов, ученик Яворского, и сам Яворский⁵⁶ <...> Я прочитал переводы сонета о простуженном коте и надписи к “Ночи”⁵⁷ в честь экскурсантов, вчера видевших Сикстинскую капеллу, а завтра имеющих увидеть “Ночь”: это чтение имело огромный успех, пришлось кстати, и меценатствующие наши Бубусы были мною довольны. Потом сам Бубус (Сверх-режиссер), отказавшись прочесть что-нибудь из своих старых ролей, произнес длинную речь о предстоящих постановках Кармен, Ревизора, Гамлета и Цыган, рассказывая подробно свои замыслы. Я должен был служить переводчиком на итальянский язык, и мне пришлось изложить по-итальянски целую лекцию. — “Оценили ли вы, Платон Михайлович, как дипломат и советский деятель, что я в начале сказал присутствующим: *compagni?*” (товарищи — ит.) — О, да! кивает коварному царедворцу <...> с довольной улыбкой нунций Антихриста...<...> О политике за весь вечер ни слова. (Разве только один итальянец, депутат и коммунист, сказал в пустой речи, что “мы” любим реалистическое искусство как в театре, так и политике). Интернационала не было. Были даны мне разные поручения к Муратову, коего Совсоотечественники не хотят отдавать эмиграции и убеждают приехать. Обо мне бесчисленные расспросы и также уговоры возвращаться. Проф. Дживелегов спрашивает, не желаю ли я кафедры в моск<овском> университете [22, с. 474–475].

Летом и осенью 1925 г. Луначарский, опираясь на доброжелательное отношение советского дипломатического представительства в Италии, попытался вернуться к проекту Академии в Риме. Какие-то

⁵⁶ Упоминаются известные музыковеды Б.Л. Яворский (1887–1942), С.В. Протопопов (1893–1954).

⁵⁷ Имеются в виду поэтические переводы из Микеланджело, предпринятые Ивановым в 1925 г.

рычаги в верхах государственной бюрократической машины в Москве двинулись. В октябре 1925 г. о римском проекте сообщала одна из советских газет, причем — удивительным образом — в этой газетной статье была кратко воспроизведена концепция, ее дух и буква, сформулированная в первоначальном плане, поданном Вяч. Ивановым Луначарскому летом 1924 г. Вот эта заметка:

Проект Института Истории искусствоведения СССР в Риме

Главнаука возбудила в коллегии Наркомпроса вопрос об организации в Риме Института СССР по изучению истории искусств и археологии. Институт будет руководиться известным поэтом и специалистом по классической литературе и искусству Вячеславом Ивановым. В задачи Института входит установление связи между научно-исследовательскими организациями и музеями Италии и СССР. Кроме того, Институт создает научно-исследовательскую базу для работы молодых искусствоведов, командируемых ВУЗами и научными институтами в Италию⁵⁸.

Илл. 5. Экземпляр «Красной газеты» с пометой П.М. Керженцева: «В. Иванову»

Впрочем, что в действительности стояло за газетным сообщением, было непонятно как Керженцеву, так и Иванову. Последним с недоумением сообщал своей конфидентке 29 октября 1925 г.:

⁵⁸ Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 16 октября. № 252 (910). С. 5.

П.М. Керженцев переслал мне на днях № «Красной газеты» (№ 252, 16 окт.), где в «Хронике искусств» сообщается, что «Главнаука возбудила в коллегии Наркомпроса вопрос о организации в Риме института по изучению истории искусств и археологии» и что руководителем его намечен я. Ни я, ни Керженцев (поддерживающий проект) не знаем, в каком положении дело, проводимое А.В. Луначарским [37, с. 207].

Какое конкретно лицо на этот раз остановило проект, вследствие чего он остался химерой, — неизвестно вплоть до выявления соответствующих документов из архивов НКВД и Наркомпроса. Как мы уже отметили, сам Иванов, судя по его июльскому письму 1925 г. к О.А. Шор, на устройство Института надежды старался не возлагать. В том же 1925 г. на римской квартире поэта состоялся откровенный разговор с П.С. Коганом: будущее проекта виделось уже маловероятным. Об этом свидетельствует важная фраза из письма Иванова к Когану от 8 сентября следующего 1926 г.:

Я хорошо помню, как Вы навещали меня в Риме и беседовали со мной в той же комнате, в которой я пишу эти строки, — о сомнительности основания проектируемого нами римского археологического института⁵⁹.

Здесь крайне важно выражение «о сомнительности основания»; иными словами, речь шла об отсутствии в СССР действительного основания, базы для строительства за рубежом культурного и научного представительства, хоть как-то сопоставимого с существующими иностранными Академиями в Риме. Вообще, в 1926 г. Вяч. Иванов оказался свидетелем начала необратимых изменений в жизни советской страны и ее граждан. Летом 1926 г. Вяч. Иванов, еще сомневавшийся, не вернуться ли ему на место профессора в столицу Азербайджана («Русская культура здесь нужна России; мы — ворота Востока», — писал он П.С. Когану всего три года назад, 12 июля 1923 г.), узнал о дерусификации и коренной ломке университета. Небрежная публикация в Москве статьи «Ревизор Гоголя и комедия Аристофана», пожалуй, самой значительной и концептуальной работы Вяч. Иванова 1920-х гг., поставила крест на двадцатилетних дружеских отношениях поэта и В.Э. Мейерхольда и на совместных издательских проектах с З.Н. Райх (прежде всего, собрания поэтиче-

⁵⁹ [5, с. 320], с исправлением единственного неточного прочтения, допущенного Р. Бёрдом при транскрипции этого текста (РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 4 об.).

ских произведений Микеланджело в переводах Вяч. Иванова). Эти отношения и проекты сотрудничества оборвались на знаменательном крещендо в финале последнего письма Иванова, обращенного к Зинаиде Райх, — на нем переписка с Мейерхольдами прекратилась:

Собирался было в Баку, но там не только от моих предметов оставили самую малость, но и весь университет «тюркизируют». «Молодой России», как Вы говорите, я вовсе не нужен⁶⁰.

Иначе эволюционировали отношения с П.С. Коганом. Президент ГАХН навестил поэта в Павии, в Колледжо Борромео 19 мая 1927 г.⁶¹ Молодой ректор Колледжо, священник-модернист отец Леопольд Рибольди,⁶² произвел сильное впечатление на московского гостя. По следам этой встречи П.С. Коган писал Иванову из Милана 27 мая 1927 г.:

Дорогой Вячеслав Иванович,

Не писал Вам — все рассчитывал приехать. Но, по-видимому, не выйдет — вернисаж в понедельник, как и работы перед ним масса⁶³. Очень жаль, что не удастся *еще раз* побывать у Вас — чудный уголок. И какой контраст с московским кипением. Это приют для размышления. Искренний привет Дон-Рибольд. Как то все нескладно вышло,

⁶⁰ См. письмо Иванова к З.Н. Райх от 23 августа 1926 г.: [11, с. 274–275].

⁶¹ Дата устанавливается по дарственной на книгу П.С. Когана «Наши литературные споры» (1927). Здесь Ивановым была просмотрена глава, посвященная Воронскому, на с. 88–89; на с. 90 рядом со словами «Та часть литературы, от которой <...> пойдет ее будущее, занялась не подведением итогов, а организацией сил» поставлен знак восклицания, ниже запись карандашом: «лучше бы написали что-нибудь порядочное» (РАИ).

⁶² Ср. его характеристику в воспоминаниях Л. Ивановой: «Худой, среднего роста, брюнет, с живыми, постоянно загорающимися глазами, с красивыми чертами лица, гибкий; он жадно изучал каждого нового любопытного для него человека, старался вжиться в его судьбу, выдумывал за него цели, к которым тот должен был стремиться, и в своем увлечении часто страшно преувеличивал его способности. Заинтересовавшись человеком, он ему не давал покоя, требуя от него все большего и большего. Он говорил: “Я люблю найти огонь в людях и, когда найду, стараюсь его разжигать”. Он был великодушный, смелый, опрометчивый. Любил сочетать людей, выдумывал иногда совсем неожиданные предприятия. Иной раз талантливо, и все выходило; иной раз неудачно, и кончалось ему во вред. Но он никогда не унывал, не останавливался и, оставляя старые увлечения, предавался новым. Эта потребность постоянного волевого движения, думается мне, была у него отчасти врожденной, а отчасти зависела от отсутствия внутренней душевной гармонии, побуждающего его искать ее вне себя» [21, с. 163].

⁶³ П.С. Коган был командирован Наркомпросом для открытия Советского отдела Международной выставки декоративных искусств в Милане.

не пришлось и с ним побеседовать. Искренне Ваш П.С. Коган.
Привет о<т> Б-а В-а⁶⁴.

Упомянутый в приписке Б.В. — это историк искусства Борис Валентинович Шапошников, лекцию которого в ГАХН посещал Иванов летом 1924 г. Шапошникову, в отличие от Когана, удалось посетить Иванова в Павии несколько раз⁶⁵. Ректор Борромео Дон Рибольди произвел яркое впечатление и на Шапошникова; отметим, что воспоминания последнего о павийских встречах могли бы бросить косвенный свет и на впечатления о насельниках Борромео и П.С. Когана⁶⁶.

На этом последнем свидании двух инициаторов римского проекта речи о возобновлении проекта создания Академии в Италии уже не могло быть: уничтожение ГАХН было лишь вопросом времени⁶⁷. Дыхание сталинского «великого перелома» чувствовалось уже настолько определенно, что П.С. Коган в приватном разговоре позволил себе то, что ни за что не доверил бы бумаге, — посоветовал Вяч. Иванову не возвращаться в свое отечество⁶⁸.

⁶⁴ Письмо Вяч. Иванова к О.А. Шор от 29 октября 1925 г.: [37, с. 207].

⁶⁵ «В воскресенье (15 мая. — А.Ш.) приезжал милый Бор<ис> Валент.<инович> Шапошников (от 1 ч. до 7 ч.). Рибольди прислал нам в мою комнату кофе и пришел сам беседовать и много разговаривал с ним об искусстве» (письмо Иванова к Д.В. и Л.В. Ивановым от 17 мая 1927 г. // РАИ. Оп. 4. Карт. 12. Папка 1. Л. 49 об. URL: <https://u.to/zNXfGw>).

⁶⁶ «Не знаешь, чья эрудиция поражает больше: священника ли, знакомого со всеми, даже новейшими течениями европейской поэзии и художественными направлениями, или поэта, одинаково уверенно чувствующего себя в мистике и богословии всех эпох. В Италии мне приходилось встречаться с видными художественными критиками, интеллигентность и образованность которых в области искусства были несоизмеримо ниже, чем у этого священника-богослова. При колледже был сад, которым, так же как и всем дворцом, Вячеслав Иванов очень гордился и охотно показывал. С легкостью, неожиданной в его годы, он почти бегом поднимался на башни, водил по бесконечным коридорам, чтобы показать какой-нибудь вид или эффект освещения. За все <три или четыре> раза, что я у него был, он никогда ни на что не жаловался, поварчивая только на отсутствие заказов на переводы, и, кажется, физически чувствовал себя хорошо. В Павии ему нравилось, и по России он видимо не скучал. Да и что собственно можно придумать лучше, как на склоне своих дней поселиться в маленьком итальянском городке, да еще с таким комфортом и красотой, какая окружала Иванова» [58, с. 95–96].

⁶⁷ См. письма П.С. Когана к Г.Г. Шпету от мая 1927 г.: [16, с. 157–161].

⁶⁸ «Прибавлю тебе, что Петр Семенович Коган не советовал мне ехать в Хатку!» (письмо В.И. Иванова к Л.В. Ивановой от 18/20 июня 1927 г.: [22, с. 555]). «Хатка» в данном контексте обозначает СССР.

Приложение 1

Печать ОЛРС
23 апреля 1924, Москва

Копия

В Правление Гос<ударственного> Бак<инского> Унив<ерситета>

Приступая к организации пушкинских торжеств, в которых примут участие Нарком просв<ещения> А.В. Луначарский и выдающиеся литературные и артистические силы Москвы, Общество Любителей Российской Словесности обращается к Правлению Гос<ударственного> Бак<инского> Унив<ерситета> с ходатайством: командировать в Москву на Пушкинские торжества профессора Вячеслава Ивановича Иванова. Общество Любителей Российской Словесности хотело бы поручить В.И. Иванову как выдающемуся пушкинисту — поэту и исследователю и своему сочлену торжественную речь на пушкинском празднике. Торжество состоится 6 июня.

Предс<едатель> ОЛРС: П. Сакулин

Предс<едатель> Пушк<инской> комиссии: М. Цявловский

Секретарь Пушк<инской> комиссии: Н. Фатов

К ходатайству присоединяется Нарком по Просв<ещению>
А. Луначарский

Автограф Вяч. Иванова чернилами, трижды перечеркнут; в основном новая орфография — РАИ. Оп. 1. Карт. 5. № 31. Л. 66 [электронный ресурс — <https://u.to/qNPFgw>].

Приложение 2

Настоящий план разработан
В. И. Ивановым вместе со мною и
всемерно поддерживается мною
П. С. Коган

Наркому просвещения
Тов. А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Профессора Азербайджанского
Гос. Университета имени Ленина
Вячеслава Ивановича Иванова

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Согласно Вашему предложению, представляю нижеследующие соображения относительно организации нашего Института в Риме.

Институт носит наименование «Государственного Института Истории, Археологии и Искусствоведения СССР» (Istituto di Storia, d'Archeologia e di Belli Arti URSS a Roma”).

Институт ставит себе двоякую цель:

1. Он является исследовательским институтом, дающим возможность русским ученым производить научную работу в областях первобытной и античной культуры, античной археологии, истории и истории искусства в месте, наиболее богатом вещественными памятниками, книгохранилищами и архивами и наиболее связанною с непрекращающеюся в течение многих поколений традициею этих изучений. С образованием такого научного центра сюда могли бы быть командированы на известный срок молодые ученые с самыми разнообразными научными интересами для исследовательской работы по отдельным дисциплинам, от филологии до всестороннего социологического изучения современной Италии включительно, под руководством ученых членов Института, как при самом Институте, так и в других научных учреждениях Рима и Италии. Но не только научно-теоретические изучения могли бы найти себе место в Институте: при его помощи можно было бы возобновить прервавшуюся за последние десятилетия традицию командировок наиболее даровитых молодых художников в Италию для изучения как самого мастерства в его эволюции, так и истории искусства по памятникам. Не требует объяснений, какое важное значение для формирования таланта имеет это приобщение к художественным сокровищам Италии, которое до сих пор считается во всем мире необходимым условием законченного художественного образования.

2. Помимо чисто научных и художественных целей, вторая, не менее важная задача Института заключается в пропаганде русской культуры в Италии и чрез нее на всем Западе, что несомненно будет косвенно иметь и значение политическое. Все крупные культурные страны имеют в Риме часто по нескольку научных институтов; таковы, например, знаменитый Германский (первоначально, до 1871 г., интернациональный) Археологический Институт на Капитолии, Германский Исторический Институт, французские институты археологический и исторический (Palazzo Farnese) и художественный (Villa Medici), английская археологическая школа и многие другие. Отсутствие России на той арене, где происходит совместная и соревнующаяся научная работа культурных народов и их высшее научное общение, является каким-то добровольным исключением себя из современной цивилизации и косвенным подтверждением ложных слухов об упадке нашей культуры. Царское правительство, еще в эпоху Николая I, имело в Риме постоянный центр, куда посылались для усовершенствования русские художники и откуда вышли такие создания, как знаменитая картина Александра Иванова и его библейские композиции, картины Брюллова и др. Впоследствии неоднократно поднимался вопрос об основании археологического института в Риме, но выбор места пал

на Константинополь, где был основан для специально византийских изысканий Российский Археологический Институт⁶⁹. Тем не менее и в Риме было приступлено к организации Исторического Института⁷⁰, и только война помешала дальнейшему развитию этих начинаний. Отсюда ясно, что самый акт существования русского историко-художественного Института был бы наглядною пропагандой идеи возрождения и укрепления нашей культурной жизни в Советской России.

Но это политическое значение института могло бы быть усилено путем организации выступлений русских ученых с докладами о различных сторонах нашей научной и художественной жизни. Если к этому присоединить образование при Институте русской библиотеки и информационно-библиографического отдела, то можно было бы достигнуть осуществления интенсивных сношений между Россией и Западом и всестороннего осведомления культурного мира о наших научных и художественных достижениях, о наших учреждениях, обслуживающих культурные задачи страны, о всех выходящих в России книгах и проч.

Организация института

Институт, в соответствии со своими задачами, включает в себе а) информационно-библиографический и лекционный отдел, и б) собственно исследовательский институт. Последний разбивается на ряд секций, которые могут открываться последовательно сообразно с требованиями жизни и практическими возможностями. В первую очередь намечаются секции 1) античной культуры и археологии 2) истории искусства и 3) истории. Во главе Института стоит его Директор, заведующий и одною из секций; каждая секция возглавляется ученым специалистом. Заведующие секций производят постоянную самостоятельную исследовательскую работу, о ходе которой обязаны представлять в НКП отчеты. Институт приглашает для выступления с учеными докладами и руководительных <так! — А.Ш.> советов по их специальности известных ученых; из них образуется кадр ученых членов Института. Молодые начинающие ученые, командируемые для занятий при Институте, составляют категорию его научных сотрудников. Для начала могла быть образована первая секция античной культуры, которая одновременно явилась бы организационным органом для подготовки плана постепенного расширения Института.

Сметные предположения

Точно разработанная смета и проект устава Института могут быть представлены дополнительно по утверждению предполагаемого плана и по

⁶⁹ О нем см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 243 с.

⁷⁰ Имеется в виду инициатива Е.Ф. Шмурло.

назначении Директора Института. На первых порах сметные предположения сведутся к штату из трех человек (Директора и его два помощника, — они же и руководители секций античной культуры, археологии и истории искусств и организаторы лекционного и информационно-библиографического отдела), к известной сумме на приобретение библиотечного ядра и к расходам по приглашению первых докладчиков и по организации сношений и связей.

Что касается помещения, на первых порах небольшого, оно могло бы быть временно предоставлено в здании Посольства (via Gaeta 3) или в одном из принадлежащих прежнему правительству зданий, которые, вероятно, вскоре будут закреплены за Советским Правительством.

Вячеслав Иванов.

24 августа 1924.

РАИ. Оп. 3. Картон 1. Папка 23. Л. 1–5. [URL: <https://u.to/7dHfGw> и далее] Машинопись; второй или третий экземпляр; новая орфография; иностранные слова чернилами рукой Иванова; дата и подпись — автограф Иванова чернилами.

Приложение 3

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
25/8 1924
№ 2399 МОСКВА

УДОСТОВЕРЕНИЕ

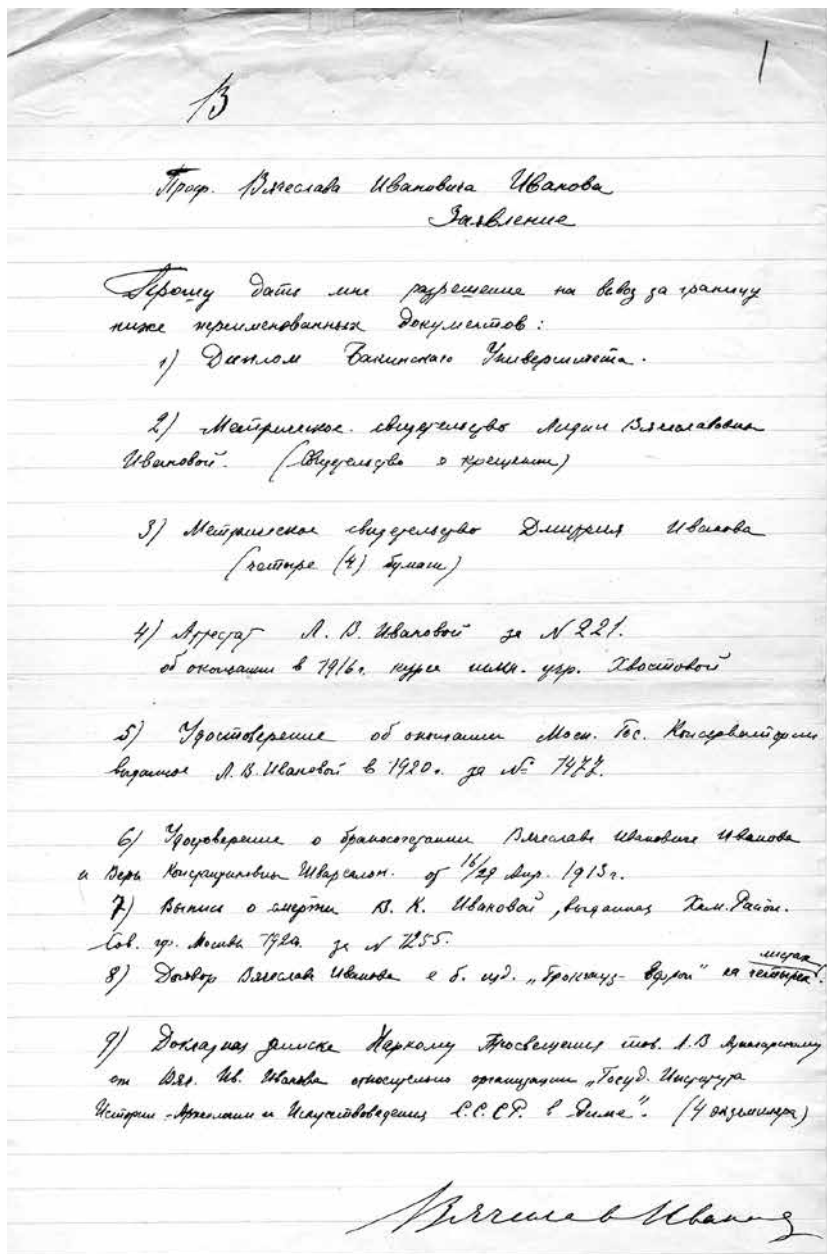
Настоящим удостоверяю, что Народный Комиссариат по Просвещению поручает проф. В. И. Иванову, отправляющемуся в научную командировку в Италию, переговорить с полномочным представителем СССР тов. Юрениным о первых шагах к возобновлению или учреждению особого института [Советского] союза в Риме под наименованием Государственного Института Истории, Археологии и Искусствоведения, а затем в рамках, которые укажет тов. Юренин, и по его директивам приступить к предварительным переговорам об этом с Итальянскими правительственными и культурными учреждениями. О результате этих переговоров в ходе их проф. Иванов должен сообщать непосредственно Народному Комиссару по Просвещению.

Нарком по Просвещению

А. Луначарский.

РАИ. Оп. 5. Карт. 7. Папка 7. Л. 1. Машинопись, подпись — автограф. [URL: <https://u.to/GNHfGw>]

Приложение 4

Илл. 6. Заявление Вяч. Иванова на вывоз за границу документов. 1924.

Архивы

ГЛМ — Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург.

РАИ — Римский архив Вяч. Иванова. Италия.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

Литература

1. *Аккатоли А.* Доклад Вяч. Иванова «Душа Италии» (1920) // Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 221–226.

2. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, 1995. 384 с.

3. *Аничков Е.* Вячеслав Иванов и вся его плеяда // Вяч. Иванов: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. Т. 1. С. 512–527.

4. *Анфертьев И.А.* Дипломатические последствия обеда Б. Муссолини у советского полпреда К.К. Юренёва. Документы РГАСПИ: 1924 г. // Исторический вестник. 2011. № 6. С. 48–63.

5. *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–331.

6. *Бёрд Р.* Сотворение изгнания: Вячеслав Иванов между Москвой и Римом (машинопись). URL: <https://u.to/FmodHA>

7. *Бёрд Р., Иванова Е.* Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 55–85.

8. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2009. 286 с.

9. *Богомолов Н.А.* Об одном стихотворении на случай // Русская литература. 2011. № 4. С. 107–111.

10. *Вассена Р., Гарэтто Э.* Письма Е. Ф. Шмурло (1917–1921) // Русско-итальянский архив. (Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка). IX: I. Салерно, 2012. С. 359–364.

11. Вяч. Иванов в переписке с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925–1926) / публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковаги // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 257–280.

12. *Гаврилова Е.А.* Пушкинские места псковской земли в 1837/1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному заповеднику: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 225 с.

13. *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову (1920–1925) / публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: исторический альманах. 6. Paris: Atheneum, 1988. С. 237–312.

14. *Горнунг Лев.* Свидетель терпеливый: дневники, мемуары. М.: АСТ, 2019. 768 с.

15. *Городецкий С.М.* Из дневников / публ. В. Енишерлова // Наше наследие. 2001. № 56. С. 166–172.
16. Густав Шпет: философ в культуре. Документы и письма. М.: РОССПЭН, 2012. 676 с.
17. *Дмитриев А.* Как сделана «формально-философская школа» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007. М.: Модест Колеров, 2009. [Т.] 8. С. 71–96.
18. *Зайцев Б.* Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М.: Русская книга, 1999. 555 с.
19. *Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель: Изд-во Жизнь с Богом, 1971. Т. I. 872 с.
20. *Иванов Вяч.И.* Из неопубликованных стихов / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Салерно, 2001. С. 25–48.
21. *Иванова Лидия.* Воспоминания: книга об отце. Париж: Atheneum, 1990. 428 с.
22. Избранная переписка [В.И. Иванова] с сыном Димитрием и дочерью Лидией. Подг. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко // Символ, журнал христианской культуры. 2008. № 53–54. С. 460–630.
23. *Котрелев Н.В.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа» // *Euroa Orientalis*. 1995. XIV: 2. С. 183–208.
24. *Лавров А.В.* Андрей Белый под советским щитом // Пространство безграничной словесности: Сб. статей к 70-летию В.Е. Багно. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 294–310.
25. *Левинтон Г.А., Устинов А.Б.* К истории машинописных изданий 1920-х годов // Пятое Тыняновские чтения, тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 197–210.
26. *Марцинковский В.Ф.* Записки верующего. Из истории Религиозного движения в России (1917–1923). Прага: Tiskem «Legiografie», 1929. URL: <https://u.to/desdHA> (дата обращения: 15.10.2021).
27. *Маццителли Г.* Очерки об итальянской славистике: книги, архивы, судьбы. М.: Индрик, 2018. 288 с.
28. *Меймре А., Богомолов Н.А.* Ситуация 1920 г.: взгляд из Эстонии // *Donum homini universali*. М.: ОГИ, 2011. С. 192–201.
29. *Мочалова О.А.* Голоса Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2004. 304 с.
30. *Нечипорук Д.М.* Войтинские и Каффи: история недосказанной дружбы // Россия — Италия: Академический Диалог XVIII–XXI веков. СПб.: Алетейя, 2022. С. 309–322.
31. *Обатнин Г.В.* К типизации литературной карьеры М. Кудашевой (Кювилье) // Транснациональное в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 384–421. (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*; No. 15).
32. *Обатнин Г.В.* М.П. Кудашева-Роллан: русские годы (в печати).
33. *Обатнин Г.В.* Кудашева, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад: Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345–402.
34. *Обатнин Г.В., Постоутенко К.Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187.
35. Переписка [В.И. Иванова] с А.В. Луначарским о проекте Русской Академии в Риме и командировке в Италию / публ. А. Шишкина // Русско-итальянский архив. [1]. Тренто, 1997. С. 549–557.

36. Переписка Ленина и Луначарского (1905-1922) // Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. С. 1–372.
37. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Салерно, 2001. С. 151–456.
38. *Печёнкин И., Шурыгина О.* Палладио по-русски. Новые данные о переводе «Четырех книг по архитектуре» XX века // Искусствознание. 2018. № 3. С. 238–263.
39. Письма А. Каффи к Вяч. Иванову / публ. Л. Каяниди // Русско-итальянский архив. XIII. Salerno, 2022 (в печати).
40. Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 238–295.
41. Письма М.О. Гершензона к В.Ф. Ходасевичу / публ. Н. Берберовой // Новый журнал. 1960. № 60. С. 222–235.
42. *Проскурина В.* Течение Гольфстрима: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб.: Алетейя, 1998. 510 с.
43. *Рудник Н., Сегал Д.* «Начала и концы»: к письму О.А. Шор (О. Дешарт) Ф.А. Степуну // Зеркало. Литературно-художественный журнал. 2002. № 17–18. С. 141–170.
44. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2019. 864 с.
45. Русско-итальянский архив. III. Salerno, 2001. 574 p.
46. *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции: переписка Е.Д. Шора с Ф.А. Степуном и Вяч. Ивановым // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Междунар. симпозиума, Вена 1998. Frankfurt/Main: Lang, 2002. С. 457–546.
47. *Сегал-Рудник Н.* Параллельные пути: РАХН и Баухауз, 1922–1923 гг. (в печати).
48. *Сидоров А.А.* Три года Российской академии художественных наук. 1921–1924 // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. II. С. 18–100.
49. *Собинов Л.* Статьи, речи, высказывания. М.: Искусство, 1970. Т. 2. 595 с.
50. «Странное существо человек, загадочнее кошки»: переписка М.О. Гершензона с В.И. Ивановым (1909–1925) / публ. Е. Глуховой // Русско-итальянский архив. VIII. Salerno, 2011. С. 27–104.
51. *Талалай М.* Андрей Иванович Каффи: сопротивление большевизму и нацифашизму // Нансеновские чтения 2009 / под ред. М.Н. Толстого. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 197–203.
52. *Тименчик Р., Копельман З.* Вяч. Иванов и поэзия Х.Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 102–115.
53. *Троцкий С.* Воспоминания // Вяч. Иванов: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. Т. 1. С. 564–585.
54. Тройная переписка: Вяч. Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли / публ. К. Кумпан // Русско-итальянский архив. (Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка). IX: I. Салерно, 2012. С. 251–426.
55. *Федотова С.* Вячеслав Иванов и союз «Взаимопонимание» (1918) // Русская литература. 2019. № 3. С. 171–181.
56. *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. 742 с.
57. *Цветева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. 694 с.

58. *Шапошиков Б.В.* Вячеслав Иванов / публ. Е.В. Кочневой // Наше наследие. 2016. № 119. С. 95–97.

59. *Шишкин А.Б., Сульпассо Б.* Переписка Вяч. Иванова и Этторе Ло Гатто // Вяч. Иванов: Исследования и материалы / под ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского и А.Б. Шишкина. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 759–779.

60. *Якименко Ю.Н.* Роль Академии Художественных Наук в формировании новой картины мира. URL: <https://gachn.de/ru/view/263> (дата обращения: 15.10.2021).

61. *Якименко Ю.Н.* Хронология деятельности Философского отделения ГАХН // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. I. С. 313–437.

62. *Fiore M.* Описание писем разных корреспондентов к Иванову. Часть вторая. Итальянские корреспонденты. Rome, 2013. 179 с. URL: <https://u.to/ndL7Gw> (дата обращения: 15.10.2021).

63. *Koudacheva Marie.* Sur l'Ècume. Paris: E. Figuière, éd., 1928. 182 p.

64. *Lo Gatto Maver A.* Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver. 1920–1931 // Europa Orientalis. 1996. XV: 2. P. 289–382.

65. *Mazzitelli G.* Pubblicazione dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921–1944). Firenze University Press. 2016. 374 p.

Research Article

The Plan for a Soviet Academy in Rome (1924): Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan and Others

© 2022. Andrei B. Shishkin

University of Salerno, Italy

Abstract: In spring of 1924 Viacheslav Ivanov was invited to Moscow to participate in the June celebrations of the 125th anniversary of Aleksandr Pushkin's birth. The months he spent in the capital reflect an unusually active social schedule. As his address book of the summer of 1924 indicates, he met with a wide range of people: composers and performers (Reinhold Glière, Mikhail Gnesin, Aleksandr Grechaninov, Aleksandr Goldenweiser, Nikolai Miaskovsky, Nikolai Medtner, Leonid Sabaneev), poets and prose writers (Valery Briusov, Iurgis Baltrushaitis, Andrei Globa, Vasily Kazin, Vladimir Lidin, Isaiah Lezhnev, Vladimir Nilender, Ivan Novikov, Sergei Poliakov, Ivan Rukavishnikov, Sergei Shervinsky, Anastasia Tsvetaeva), theater directors (Vsevolod Meyerhold, Aleksandr Tairov), literary scholars (Mikhail Gershenzon, Leonid Grossman, Viktor Zhirmunsky, Boris Eichenbaum), artists (Anatoly Arapov, Nikolai Ulianov, Nikolai Vysheslavtsev, Konstantin Yuon), priests and theologians (Sergei Sidorov, Pavel Florensky), art historians and museum curators (Count Valentin Zubov, Nikolai Mashkovtsev, Boris Ternovets, Abram Efros) and others. Many of these people were in one way or another connected to the activity of the State Academy for the Study of the Arts (GAKhN). It was in fact for GAKhN that Ivanov gave a series of well-received lectures. After receiving his passport to travel to Italy on 4 July 1924, Ivanov decided to postpone his departure for an entire month.

It would seem that this delay was connected to the need to draw up a project for the creation in Rome of a Soviet State Institute for History, Archeology and Art History. The project was supported by Petr Kogan, the president of GAKhN, and by Anatoly Lunacharsky, the head of the People's Commissariat of Enlightenment. The Institute was envisioned as an organization that would serve both researchers and students, following the models of the corresponding academies in Rome — the French Academy, the French School of Archeology, the German Archeological Institute, etc. As Ivanov formulated it in the first plan that he gave to Lunacharsky on 24 August 1924: “The absence of Russia in the arena where cultured peoples are jointly and competitively pursuing scholarly work and cooperating in advanced scholarly colloquy is a kind of voluntary exclusion from contemporary civilization and an indirect affirmation of false rumors about the decline of our culture.”

Keywords: Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan, Olga Kameneva (Bronstein), Ettore Lo Gatto, State Academy for the Study of the Arts (GAKhN), The People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID), academies in Rome, institutes of Russian culture in Europe.

Information about the author: Andrei B. Shishkin — Professor of Slavic Studies, University of Salerno, Via Giovanni Paolo II, 132 — 84084 Fisciano (SA), Italy. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791> E-mail: chichkine@gmail.com

For citation: Shishkin, A.B. “The Plan for a Soviet Academy in Rome (1924): Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan and Others.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 55–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-55-99>

References

1. Akkattoli, A. “Doklad Viach. Ivanova ‘Dusha Italii’ (1920)” [“Report of Vyach. Ivanov ‘The Soul of Italy’ (1920)”]. *Obrazy Italii v Rossii — Peterburge — Pushkinskom Dome [Images of Italy in Russia — St. Petersburg — Pushkin House]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2014, pp. 221–226. (In Russ.)
2. Al'tman, M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym [Conversations with Vyacheslav Ivanov]*, comp., text prep. by V.A. Dymshits, K.Iu. Lappo-Danilevskii; article and comm. by K.Iu. Lappo-Danilevskii. St. Petersburg, Inapress Publ., 1995. 384 p. (In Russ.)
3. Anichkov, E. “Viacheslav Ivanov i vsia ego pleiada” [Vyacheslav Ivanov and all His Constellation]. *Viach. Ivanov: pro et contra. Antologiiia [Viach. Ivanov: pro et contra. Antologiiia]*, vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 2016, pp. 512–527. (In Russ.)
4. Anfert'ev, I.A. “Diplomaticheskie posledstviia obeda B. Mussolini u sovetskogo polpreda K.K. Iureneva. Dokumenty RGASPI: 1924 g.” [The diplomatic Consequences of B. Mussolini's Dinner with the Soviet Plenipotentiary K.K. Yurenev. Documents of RGASPI: 1924]. *Istoricheskii vestnik*, no. 6, 2011, pp. 48–63. (In Russ.)
5. Berd, R. “Viach. Ivanov i Sovetskaia vlast' (1919–1929): Neizvestnye materialy” [“Vyach. Ivanov and Soviet Power (1919–1929): Unknown Materials”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40, 1999, pp. 305–331. (In Russ.)

6. Berd, R. *Sotvorenie izgnaniia: Viacheslav Ivanov mezhu Moskvoi i Rimom (mashinopis')* [*The Creation of Exile: Vyacheslav Ivanov between Moscow and Rome (Typescript)*]. Available at: <https://u.to/FmodHA> (Accessed 20 October 2021). (In Russ.)
7. Berd, R., Ivanova, E. “Byl li vinoven Bal'mont?” [“Was Balmont Guilty?”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2004, pp. 55–85. (In Russ.)
8. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)
9. Bogomolov, N.A. “Ob odnom stikhotvorenii na sluchai” [“About One Poem in Case”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2011, pp. 107–111. (In Russ.)
10. Vassena, R., Garetto, E. “Pis'ma E.F. Shmurlo (1917–1921)” [“Letters to E.F. Shmurlo (1917–1921)”]. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [*Russian-Italian Archive*], IX: I: Ol'ga Resnevich-Sin'orelli i russkaia emigratsiia: perepiska [Olga Resnevich-Signorelli and Russian Emigration: Correspondence]. Salerno, 2012, pp. 359–364. (In Russ.)
11. “Viach. Ivanov v perepiske s V.E. Meierkhol'dom i Z.N. Raikh (1925–1926)” [“Vyach. Ivanov in Correspondence with V.E. Meyerhold and Z.N. Reich (1925–1926)”], publ. by N.V. Kotrelev and F. Mal'kovati. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 10, 1994, pp. 257–280. (In Russ.)
12. Gavrilova, E.A. *Pushkinskie mesta pskovskoi zemli v 1837/1945 gg.: ot dvorianskoi usad'by k gosudarstvennomu zapovedniku* [*Pushkin Places of the Pskov Land in 1837/1945: from a Noble Estate to a State Reserve: PhD Thesis*]. St. Petersburg, 2016. 225 p. (In Russ.)
13. Gershenzon, M.O. “Pis'ma k L'vu Shestovu (1920–1925)” [“Letters to Lev Shestov (1920–1925)”], publ. by A. d'Amelia and V. Alloia. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh* [*The Past: Historical Almanac*], 6. Paris, Atheneum Publ., 1988, pp. 237–312. (In Russ.)
14. Gornung, Lev. *Svidetel' terpelivyi: dnevniki, memuary* [*Patient Witness: Diaries, Memoirs*]. Moscow, AST Publ., 2019. 768 p. (In Russ.)
15. Gorodetskii, S.M. “Iz dnevnikov” [“From Dairies”], publ. by V. Enisherlov. *Nashe nasledie*, no. 56, 2001, pp. 166–172. (In Russ.)
16. *Gustav Shpet: filosof v kul'ture. Dokumenty i pis'ma* [*Gustav Shpet: Philosopher in Culture. Documents and Letters*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 676 p. (In Russ.)
17. Dmitriev, A. “Kak sdelana ‘formal'no-filosofskaia shkola.’” [“How the ‘Formal-Philosophical School’ was Made”]. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik 2006–2007* [*Studies in the History of Russian Thought. Yearbook (2006–2007)*], vol. 8. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2009, pp. 71–96. (In Russ.)
18. Zaitsev, B. *Moi sovremenniki: Vospominaniia. Portrety. Memuarnye povesti* [*My Contemporaries: Memoirs. Portraits. Memoir Stories*]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1999. 555 p. (In Russ.)
19. Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. I. Bruxelles, Izdatel'stvo Zhizn' s Bogom Publ., 1971. 872 p. (In Russ.)

20. Ivanov, Viach.I. “Iz neopublikovannykh stikhov” [“From Unpublished Poems”], publ. by D.V. Ivanov and A.B. Shishkin. *Russko-ital'ianskii arkhiv [Russian-Italian Archive]*, III. Salerno, 2001, pp. 25–48. (In Russ.)
21. Ivanova, Lidiia. *Vospominaniia: kniga ob ottse [Memoirs: a Book about Father]*. Parizh, Atheneum Publ., 1990. 428 p. (In Russ.)
22. “Izbrannaia perepiska [V.I. Ivanova] s synom Dimitriem i docher'iu Lidiei” [“Selected Correspondence (of V.I. Ivanov) with Their Son Dimitri and Daughter Lydia”], text prep. by A. Kondiurina and O. Fetisenko. *Simvol, zhurnal khristianskoi kul'tury*, no. 53–54, 2008, pp. 460–630. (In Russ.)
23. Kotrelev, N.V. “Iz perepiski Viach. Ivanova s Maksimom Gor'kim. K istorii zhurnala ‘Beseda’.” [“From the Correspondence of Vyach. Ivanov with Maxim Gorky. To the History of the Journal ‘Conversation’.”]. *Europa Orientalis*, XIV: 2, 1995, pp. 183–208. (In Russ.)
24. Lavrov, A.V. “Andrei Belyi pod sovetским shchitom” [“Andrey Bely under the Soviet Shield”]. *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sb. statei k 70-letiiu V.E. Bagno [Space of Boundless Literature: Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.E. Bagno]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 294–310. (In Russ.)
25. Levinton, G.A., Ustinov, A.B. “K istorii mashinopisnykh izdaniy 1920-kh godov” [“On the History of Typewritten Publications of the 1920s”]. *Piatye Tynianovskie chteniia, tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Readings, Abstracts and Materials for Discussion]*. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 197–210. (In Russ.)
26. Martsinkovskii, V.F. *Zapiski veruiushchego. Iz istorii Religioznogo dvizheniia v Rossii (1917–1923) [Believer's Notes. From the History of the Religious Movement in Russia (1917–1923)]*. Praga, Tiskem “Legiografie” Publ., 1929. Available at: <https://u.to/desdHA> (Accessed 15 October 2021). (In Russ.)
27. Matstsitelli, G. *Ocherki ob ital'ianskoi slavistike: knigi, arkhivy, sud'by [Essays on Italian Slavic Studies: Books, Archives, Fates]*. Moscow, Indrik Publ., 2018. 288 p. (In Russ.)
28. Meimre, A., Bogomolov, N.A. “Situatsiia 1920 g.: vzgliad iz Estonii” [“The Situation of 1920: a View from Estonia”]. *Donum homini universali*. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 192–201. (In Russ.)
29. Mochalova, O.A. *Golosa Serebriianogo veka [Voices of the Silver Age]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 304 p. (In Russ.)
30. Nechiporuk, D.M. “Voitinskie i Kaffi: istoriia nedoskazannoi druzhby” [“Voitinsky and Caffi: a Story of Unsaid friendship”]. *Rossiiia — Italiia: Akademicheskii Dialog XVIII–XXI vekov [Russia — Italy. Academic Dialog of 18th–21st Centuries]*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2022, pp. 309–322. (In Russ.)
31. Obatnin, G.V. “K tipizatsii literaturnoi kar'ery M. Kudashevoi (Kiuvil'e)” [“On the Typification of the Literary Career of M. Kudasheva (Cuvillier)”]. *Transnatsional'noe v russkoi kul'ture [Transnational in Russian Culture]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, pp. 384–421. (In Russ.)
32. Obatnin, G.V. *M.P. Kudasheva-Rollan: russkie gody [M.P. Kudasheva-Rollan: Russian Years]* (In print) (In Russ.)

33. Obatnin, G.V. “Kudasheva, Ivanov i Bettina fon Arnim” [“Kudasheva, Ivanov and Bettina von Arnim”]. *Rossia i Zapad: Sbornik stat'ei v chest' 70-letia K.M. Azadovskogo* [*Russia and the West: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of K.M. Azadovsky*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 345–402. (In Russ.)
34. Obatnin, G.V., Postoutenko, K.Iu. “Viacheslav Ivanov i formal'nyi metod (materialy k teme)” [“Vyacheslav Ivanov and the Formal Method (Materials for the Topic)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1992, pp. 180–187. (In Russ.)
35. “Perepiska [V.I. Ivanova] s A.V. Lunacharskim o proekte Russkoi Akademii v Rime i komandirovke v Italiu” [“Correspondence (of V.I. Ivanov) with A.V. Lunacharsky about the Project of the Russian Academy in Rome and a Business Trip to Italy”], publ. by A. Shishkin. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [*Russian-Italian Archive*], 1. Trento, 1997, pp. 549–557. (In Russ.)
36. “Perepiska Lenina i Lunacharskogo (1905-1922)” [“Correspondence between Lenin and Lunacharsky (1905-1922)”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 80: V.I. Lenin i A.V. Lunacharskii: Perepiska, doklady, dokumenty [V.I. Lenin and A.V. Lunacharskii: Correspondence, Reports, Documents]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 1–372. (In Russ.)
37. “Perepiska V.I. Ivanova i O.A. Shor” [“Correspondance between V.I. Ivanov and O.A. Shor”], publ. by A.A. Kondiurina, L.N. Ivanova, D. Ritstsi and A.B. Shishkin. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [*Russian-Italian Archive*], III. Salerno, 2001, pp. 151–456. (In Russ.)
38. Pechenkin, I., Shurygina, O. “Palladio po-russki. Novye dannye o perevode ‘Chetyrekh knig po arkhitekture’ XX veka” [“Palladio in Russian. New Data on the Translation of the ‘Four Books on Architecture’ of the 20th Century”]. *Iskusstvoznanie*, no. 3, 2018, pp. 238–263. (In Russ.)
39. “Pis'ma A. Kaffi k Viach. Ivanovu” [“Letters of A. Kaffi to Viach. Ivanov”], publ. by L. Kaianidi. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [*Russian-Italian Archive*], XIII. Salerno, 2022 (In print). (In Russ.)
40. “Pis'ma Viacheslava Ivanova k Aleksandre Chebotarevskoi” [“Letters of Viacheslav Ivanov to Aleksandra Chebotarevskaya”], publ. by A.V. Lavrov. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 238–295. (In Russ.)
41. “Pis'ma M.O. Gershenzona k V.F. Khodasevichu” [“Letters of M.O. Gershenzon to V.F. Khodasevich”], publ. by N. Berberova. *Novyi zhurnal*, no. 60, 1960, pp. 222–235. (In Russ.)
42. Proskurina, V. *Techenie Gol'fstrima: Mikhail Gershenzon, ego zhizn' i mif* [*The Course of the Gulf Stream: Mikhail Gershenzon, His Life and Myth*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 510 p. (In Russ.)
43. Rudnik, N., Segal, D. “‘Nachala i kontsy’: k pis'mu O.A. Shor (O. Deshart) F.A. Stepunu” [“‘Beginnings and ends’: to the Letter of O.A. Shore (O. Dechart) to F.A. Stepunu”]. *Zerkalo. Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal*, no. 17–18, 2002, pp. 141–170. (In Russ.)

44. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: Entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 864 p. (In Russ.)
45. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], III. Salerno, 2001. 574 p. (In Russ.)
46. Segal, D., Segal, N. “Nachalo emigratsii: perepiska E.D. Shora s F.A. Stepunom i Viach. Ivanovym” [“Beginning of Emigration: Correspondence of E.D. Shor with F.A. Stepun and Vyach. Ivanov”]. *Viacheslav Ivanov i ego vremia: Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma, Vena 1998* [Vyacheslav Ivanov and His Time: Proceedings of the VII International Symposium, Vienna 1998]. Frankfurt an Main, Lang Publ., 2002, pp. 457–546. (In Russ.)
47. Segal-Rudnik, N. *Parallel'nye puti: RAKhN i Baukhauz, 1922–1923 gg.* [Parallel Paths: RACHN and Bauhaus, 1922–1923] (In print) (In Russ.)
48. Sidorov, A.A. “Tri goda Rossiiskoi akademii khudozhestvennykh nauk. 1921–1924” [“Three Years of the Russian Academy of Artistic Sciences. 1921–1924”]. *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaiia teoriia 1920-kh godov* [Art as a Language: Languages of Art. State Academy of Artistic Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s], vol. II. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 18–100. (In Russ.)
49. Sobinov, L. *Stat'i, rechi, vyskazyvaniia* [Articles, Speeches, Statements], vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 595 p. (In Russ.)
50. “‘Strannoe sushchestvo cheloveka, zagadochnnee koshki’: perepiska M.O. Gershenzona s V.I. Ivanovym (1909–1925)” [“‘A strange creature is a man, more mysterious than a cat’: M.O. Gershenzon and V.I. Ivanov (1909–1925)”], publ. by E. Glukhova. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], VIII. Salerno, 2011, pp. 27–104. (In Russ.)
51. Talalai, M. “Andrei Ivanovich Kaffi: soprotivlenie bol'shevizmu i natsifashizmu” [“Andrey Ivanovich Kaffi: Resistance to Bolshevism and Nazi-fascism”]. *Nansenovskie chteniia 2009* [Nansen Readings 2009], ed. by M.N. Tolstoy. St. Petersburg, ROO IKTs “Russkaia emigratsiia” Publ., 2010, pp. 197–203. (In Russ.)
52. Timenchik, R., Kopel'man, Z. “Viach. Ivanov i poeziia Kh.N. Bialika” [Viach. Ivanov and Kh.N. Bialik’s Poetry]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 14, 1996, pp. 102–115. (In Russ.)
53. Trotskii, S. “Vospominaniia” [“Memoirs”]. *Viach. Ivanov: pro et contra. Antologiiia* [Viach. Ivanov: pro et contra. Antology], vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 2016, pp. 564–585 (In Russ.)
54. “Troinaia perepiska: Viach. Ivanov i Ol'ga Shor v perepiske s Ol'goi Resnevich-Sin'orelli” [Triple Correspondence: Vyach. Ivanov, Olga Shor, Olga Resnevich-Signorelli], publ. by K. Kumpan. *Russko-ital'ianskii arkhiv* [Russian-Italian Archive], IX: I: (Ol'ga Resnevich-Sin'orelli i russkaia emigratsiia: perepiska). Salerno, 2012, pp. 251–426. (In Russ.)
55. Fedotova, S. “Viacheslav Ivanov i soiuz ‘Vzaimoponimanie’ (1918)” [“Vyacheslav Ivanov and the ‘Mutual Understanding’ Union (1918)”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2019, pp. 171–181. (In Russ.)

56. Khodasevich, V. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.], vol. 4. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 742 p. (In Russ.)
57. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 4. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 694 p. (In Russ.)
58. Shaposhnikov, B.V. “Viacheslav Ivanov” [“Vyacheslav Ivanov”], publ. by E.V. Kochnevaia. *Nashe nasledie*, no. 119, 2016, pp. 95–97. (In Russ.)
59. Shishkin, A.B., Sul'passo, B. “Perepiska Viach. Ivanova i Ettore Lo Gatto” [“Correspondence between Viach. Ivanov and Ettore Lo Gatto”]. *Viach. Ivanov: Issledovaniia i materialy* [*Viach. Ivanov: Research and Materials*], issue 1, ed. by K.Iu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 759–779. (In Russ.)
60. Iakimenko, Iu.N. *Rol' Akademii Khudozhestvennykh Nauk v formirovanii novoi kartiny mira* [The Role of the Academy of Artistic Sciences in the Formation of a New Picture of the World]. URL: <https://gachn.de/ru/view/263> (In Russ.)
61. Iakimenko, Iu.N. “Khronologiiia deiatel'nosti Filosofskogo otdeleniia GAKhN” [“Chronology of the Activities of the Philosophical Department of the State Academy of Arts”]. *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaia teoriia 1920-kh godov* [Art as a Language — the Languages of Art. State Academy of Artistic Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s], vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 313–437. (In Russ.)
62. Fiore, M. *Opis' pisem raznykh korrespondentov k Ivanovu. Chast' vtoraiia. Ital'ianskie korrespondenty* [Inventory of Letters from Various Correspondents to Ivanov. Part two. Italian Correspondents]. Rome, 2013. 179 p. Available at: <https://u.to/ndL7Gw> (Accessed 15 October 2021). (In Russ.)
63. Koudacheva, Marie. *Sur l'Ècume*. Paris, E. Figuière, 1928. 182 p. (In French)
64. Lo Gatto, Maver A. “Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver. 1920–1931” [?]. *Europa Orientalis*, XV: 2. 1996, pp. 289–382. (In Italian)
65. Mazzitelli, G. *Pubblicazione dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921–1944)*. Firenze, Firenze University Press, 2016. 374 p. (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021
Одобрена после рецензирования: 15.11.2021
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 25.10.2021
Approved after reviewing: 15.11.2021
Date of publication: 25.03.2022